

Критические заметки о второй и
третьей книжках "Братское слово"

Опубликовано:

Христианское чтение. 1875. № 12. С. 633-684.

о второй и третьей книжкахъ „Братскаго слова“.

Излагая общее содержаніе первой книжки «Братскаго Слова» («Церк. Вѣстн.» № 2), мы замѣчали, что если и дальнѣйшія книжки новаго журнала будутъ составляться также удачно и умно, какъ составлена первая, въ такомъ случаѣ наука о расколѣ и общество, особенно же православное духовенство приобрѣтутъ въ новомъ журналѣ одно изъ весьма дѣльных и полезныхъ изданій. Теперь, ознакомившись съ содержаніемъ двухъ слѣдующихъ книжекъ «Братскаго Слова», мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что эти №№ новаго журнала, по своему составу и содержанію, если не лучше, то уже никакъ не хуже первой книжки, и такимъ образомъ снова уже не условно, а категорически заявить, что «Братское Слово» представляетъ собою одно изъ почтенныхъ и полезныхъ изданій,—полезныхъ не только для науки о расколѣ, но и для нашихъ пастырей церкви, на которыхъ по преимуществу и лежитъ долгъ заботиться объ обращеніи заблуждающихъ на путь истины и спасенія, и даже для самихъ старообрядцевъ, сближеніе которыхъ съ церковію составляетъ главную задачу новаго журнала.

Всего болѣе научнаго интереса представляютъ собою, по нашему мнѣнію, первые отдѣлы разсматриваемыхъ нами № № почтеннаго журнала, въ которыхъ, согласно программѣ изданія, печатаются матеріалы для исторіи раскола. Во второй

книжкѣ «Братскаго Слова» мы находимъ въ этомъ отдѣлѣ рядъ документовъ о томъ же протопопѣ Иванѣ Нероновѣ, о которомъ шла рѣчь и въ документахъ, напечатанныхъ въ первой книгѣ, и затѣмъ—болѣе десяти документовъ о бывшемъ Златоустовскаго монастыря игуменѣ Осоктвстѣ. Изъ документовъ о Нероновѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ челобитныя его царю Алексѣю Михайловичу о скорѣйшемъ избраніи патріарха на мѣсто Никона. Хотя, по замѣчанію редакціи, та и другая челобитная особенно близкаго отношенія къ расколу не имѣютъ и представляютъ собою только матеріалъ для біографіи Неронова и для раскрытія его отношеній къ патріарху Никону,—тѣмъ не менѣе мы считаемъ обѣ челобитныя весьма важными историческими памятниками, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что особенно не нравилось въ Никонѣ Неронову и его единомысленикамъ. Прося царя дать церкви учителя и пастыря «кроткаго и смиреннаго сердцемъ, могущаго спострадати пемощемъ нашимъ, могущаго наказати духомъ кротости, не новоначальника, но побѣдителя страстемъ» (стр. 171), совѣтуя Алексѣю Михайловичу искать преемника Никону въ числѣ мужей «не славныхъ и честь вѣка сего любящихъ, но смиренныхъ и кроткихъ, и не тѣлесною добротою цвѣтущихъ, но добродѣтелями украшенныхъ и благъ плодъ смиренія и добрыхъ правовъ показующихъ» (стр. 172—173),—сѣтуя о томъ, что «въ забвеніе насъ приведе безстрашіе, паче же покой и честь и слава скоротлимаго вѣка сего,—на зданіе бо каменнаго строенія умъ прострохомъ и о сихъ паче человѣческихъ дупъ спасенія упразднихомся» (стр. 176), наконецъ замѣчая, что «въ день судный не имамы рещи: се азъ и полаты каменныя, и храмы пресвѣтлыя, и дома превеліе, и въ нихъ строи вѣка сего дивныя; но имамы рещи: се азъ и дѣти, ихъ же ми еси далъ» (стр. 177), Нероновъ, очевидно, рисуеть портретъ Никона,—но рисуеть пристрастно, выставляя на видъ одни его недостатки и умалчивая о свѣтлыхъ сторонахъ его архипастырской дѣятельности. Еще рѣзче говоритъ о Никонѣ Нероновъ въ другой своей чело-

битной, писанной имъ въ 1664—1665 году. Здѣсь онъ, пе обинуясь, называетъ Никона «впѣ ума сущимъ (181 стр.), неистовымъ (стр. 182), злымъ, бѣснующимся злѣ (184), суетнымъ (185), пагубникомъ и ума воистину истушивымъ (187), не человѣкомъ, но звѣремъ» (188). Впрочемъ, какъ видно, не одинъ Нероновъ позволялъ себѣ рѣзкіе отзывы о Никонѣ. Въ то время, когда протопопъ писалъ вторую свою челобитную, многіе и изъ русскихъ архипастырей не слишкомъ церемонились въ своихъ отзывахъ объ опальномъ патріархѣ. Въ челобитной приведены отрывки изъ отзывовъ нѣкоторыхъ архіереевъ о значеніи клятвы, положенной патріархомъ Никономъ на Питирима, митрополита сарскаго и подонскаго за совершеніе обряда—шествія на осляти въ недѣлю вай, за поставленіе Меодія епископа мстиславскаго и за угоризленія о патріархѣ слова, --отзывовъ, поданныхъ самому царю Алексѣю Михайловичу. Въ этихъ отзывахъ нѣкоторые изъ архіереевъ называли Никона «подобнымъ Валааму волхву», тьмою, высокосердечнымъ и мерзкимъ предъ Богомъ, сравнивали его даже съ сатаной, «сверженнымъ отъ небеснаго жилища, гордости ради и зависти» (стр. 184—185), и всѣ вообще «клятву онаго бездѣльну показаша»; только два архіерея, по словамъ Неронова, «еще и согласны со другими писанми быша, но при концы сомнѣніе показаша: собору судъ клятвы оставиша» (стр. 187). Очевидно, грозный патріархъ былъ не милъ многимъ, и кромѣ ревнителей старины, и послѣ собора 1660 года, опредѣлившаго поставить на мѣсто Никона новаго патріарха, пересталъ быть «всѣмъ страшень»... Впрочемъ, хотя большинство русскаго духовенства и признало (въ 1660 г.) избраніе на мѣсто Никона новаго патріарха дѣломъ «благополезнымъ и правильнымъ»¹⁾, царь Алексѣй Михайловичъ не только не спѣшилъ приведеніемъ въ исполненіе этого соборнаго опредѣленія, но пришелъ къ мысли, для окончательнаго рѣшенія дѣла Никонова, созвать новый соборъ, на которомъ бы присутствовали все-

¹⁾ Дѣло патр. Ник. стр. 44—45.

ленскіе патріархи. Чтобы отклонить царя отъ такого намѣ-
ренія, Нероновъ и рѣшился написать свою вторую челобит-
ную. Нельзя не обратить вниманія на доводы, которыми Не-
роновъ старается убѣдить царя въ томъ, что нѣтъ нужды въ
новомъ соборѣ для суда надъ Никономъ и что въ частности
неумѣстно обращаться по этому дѣлу къ вселенскимъ патрі-
архамъ. «Какой о немъ, о христоробивый царю, соборъ и
по которымъ правиломъ вселенскіе патріархи онаго судити
будутъ?» (стр. 182), спрашиваетъ въ недоумѣніи Нероновъ.
Сказавъ затѣмъ, что для рѣшенія по дѣлу Никона вполне
достаточно опредѣленія, произнесеннаго на соборѣ русскихъ
архіереевъ, Нероновъ писалъ: «соборъ же о немъ (т. е. но-
вый, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ) веліе безчестіе
всему государству и посмѣхъ во окрестныхъ странахъ, въ
державѣ же царствія твоего всѣмъ архіереомъ и властемъ
крайнее безчестіе: лживыхъ убо тѣхъ и неправду судящихъ
показати имаши, и право оно лукавое Никоново слово учи-
ниши, что будто ты, великій государь, дары далъ архіереомъ
и властемъ, и они даровъ ради учинилися тебѣ, государю,
послушны и руки свои подписали, чтобъ Никону впредь па-
тріархомъ не быть. И аще оупъ, Никонъ, всея области собо-
ромъ, не право по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ
отецъ отставлень, влѣпоту собору быти на архіереевъ и
властей всея великія Россіи: потому что архіереи и власти
ушто сво Никона не право судили. И во окрестныхъ стра-
нахъ о сихъ кто не посмѣется, и какова безчестія не будемъ
достойны и вправду» (стр. 186)? Нероновъ, очевидно, не могъ
сообразить, что слова его могли произвести на цѣрѣшитель-
наго государя дѣйствіе, противоположное тому, какого ожи-
далъ челобитчикъ. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Ни-
конъ дѣйствительно сдѣлалъ тотъ отзывъ о членахъ собора
1660 года, который указывается Нероновымъ, и этотъ отзывъ
не былъ секретомъ ни для кого, то что оставалось дѣлать
Алексѣю Михайловичу, чтобы показать, что «слово» Никона
было не больше, какъ «лукавое», и что приговоръ собора

1660 года былъ произнесенъ членами собора безъ всякаго давленія на нихъ царя? Но нашему мнѣнію, оставалось сдѣлать то, чего такъ не желалъ Нероновъ и что однакоже сдѣлалъ Алексѣй Михайловичъ, т. е. пригласить въ Москву для суда надъ Никономъ восточныхъ патріарховъ, приговоръ которыхъ о Никонѣ, какъ людей стороннихъ, долженъ былъ быть чуждъ всякаго подозрѣнія относительно его безпристрастія и справедливости; поступивши же такъ, какъ желалъ Нероновъ, царь только подтвердилъ бы справедливость сдѣланнаго Никономъ отъзвма о членахъ собора 1660 г. Что заставляло Неронова такъ настойчиво противиться желанію царя—рѣшить дѣло Никона судомъ вселенскихъ патріарховъ, трудно сказать. По видимому, онъ былъ убѣжденъ, что и судъ вселенскихъ патріарховъ о Никонѣ будетъ во всемъ согласенъ съ судомъ русскихъ архіереевъ. «Не возможно бо, замѣчалъ Нероновъ, православу суцу кому о Никонѣ инако мудрствовати» (стр. 186). Ужъ не боялся ли Нероновъ того, что восточные патріархи, по совѣту которыхъ Никонъ и началъ свою церковно-преобразовательную дѣятельность, прибывши въ Москву и узнавъ все обстоятельно, — если и не одобрять поведенія самого Никона, за то не похвалятъ и тѣхъ, кто возставалъ противъ «исправленія церковнаго», предпринятаго патріархомъ съ тою цѣлію, чтобы церковь русская во всемъ была согласна съ греческою и четырьмя вселенскими патріархами,—какъ это и случилось? Или, быть можетъ, до Неронова дошла вѣсть о содержаніи полученной царемъ отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія грамоты ¹⁾, и онъ она-

¹⁾ Въ которой восточный святитель писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «просимъ мы священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, особенно если такіе будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуемъ Богомъ, что насъ весьма огорчали случившіяся въ російской церкви соблазны... Несогласіе и возмущеніе въ церкви страшѣ всякой войны, ибо раздраетъ нешвенную одежду Христову, которой не раздѣляли и войны во время страданія Христова. Вы знаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда церковь наша находится подъ игомъ рабства и колеблется, какъ корабль, обуреваемый волнами, въ одной вашей російской церкви мы видѣли, какъ въ ковчегъ Нол, приближше благочестія и

саяся, хотя и скрывалъ это, чтобы по суду восточныхъ патріарховъ Никонъ снова не занялъ патріаршаго престола. Какъ бы, впрочемъ, ни было, толкъ Нероновъ, какъ показываетъ его челобитная, всячески старался отклонить государя отъ его намѣренія—перенести дѣло Никона на судъ вселенскихъ патріарховъ и убѣждалъ Алексѣя Михайловича рѣшить его на основаніи опредѣленія собора 1660 года. и при томъ, какъ можно скорѣе, ссылаясь при этомъ на то, что уже шесть лѣтъ святая соборная церковь вдовствуетъ, между тѣмъ какъ, по правиламъ, «болѣ тріехъ мѣсяцъ вдовствовать той не подобаетъ» (стр. 190). Впрочемъ, Нероновъ согласенъ былъ и на созваніе новаго собора, только «собору» этому, по мысли Неропова, нужно было разсуждать «о прелестномъ мудрованіи» Никона «и о исправленіи церковномъ, а не о немъ самомъ: опъ убо писать Нероновъ, самоосужденъ и правильнѣ и праведнѣ всея области соборомъ отставленъ, яко ругатель царствующаго града престола». Государю оставалось только «монастыри» строенія Никонова «отъ основанія разорить и прелестное его мудрованіе упразднить» и тѣмъ «велие благо и типину церкви устроить и отъ смущенія многихъ освободить» (стр. 191). Есть не мало и другихъ интересныхъ свѣдѣній въ рассматриваемыхъ документахъ. Такъ напр. въ челобитной, писанной Нероновымъ въ самомъ началѣ 1660 года, когда, значить, еще не былъ произнесенъ окончательный судъ папѣ ревнителями старины, уже говорится, что «тысяща тысящъ душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ ве-

мира. Иниѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ этого блага? для чего отвергаете первое достояніе? а первое достояніе есть миръ, ибо Господь, отходя на вольное страданіе, сказалъ: миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ. Итакъ, государь, восприни ревность по вѣрѣ и постарайся опять возвести законнаго патріарха вашего на его престоль, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и губельнаго начала—смѣнять православныхъ и правослысящихъ патріарховъ. Это есть начало разрушенія нашей церкви въ Константинополѣ; оно послужило и служить доселѣ источникомъ многихъ золъ и срамить насъ предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ губельную привычку». (Дѣло патр. Ник. стр. 80—81).

щей, чужи общенія пречистыхъ тайвъ» (стр. 170). Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе не число лицъ, усумнившихся въ правильности церковно-преобразовательной дѣятельности патріарха Никона, которое, можетъ быть, и преувеличено Нероновымъ, какъ думаетъ редакція, а характеръ отношеній этихъ лицъ къ церкви православной. По словамъ Неронова, лица, возставшія противъ начатаго Никономъ исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ,—далеко еще до собора 1666—1667 года, признаваго ихъ раскольниками, вели себя уже по раскольнически,—прервали общеніе съ церковію и не хотѣли пользоваться совершаемыми въ ней таинствами, что и заставило отцовъ собора отлучить ихъ отъ церкви. А послѣ этого нетрудно понять, какъ справедливы увѣренія тѣхъ писателей, которые говорятъ, будто бы соборъ 1667 года изрекъ свою клятву на противниковъ его опредѣленія о новонаправленныхъ книгахъ и обрядахъ, независимо отъ отношенія ихъ къ церкви и обрядамъ православія.

Изъ другихъ документовъ о Нероновѣ, напечатанныхъ во второй книжкѣ «Братскаго Слова», болѣе важное значеніе для исторіи раскола имѣютъ слѣдующіе: «старца Григорія Неронова челобитная царю Алексѣю Михайловичу за протопопа Аввакума, поданная 6 декабря 1664 года (№ XVII), донесеніе Волоколамскаго архимандрита Савватія о принятіи старца Григорія Неронова подъ началъ, 20 сентября 1666 года (№ XX), дѣло о жалобахъ Неронова вселенскимъ патріархамъ на притѣсненія отъ русскихъ духовныхъ властей, 1666—67 г. (№ XXI), покаянное посланіе старца Григорія Неронова къ царю, патріархамъ и всему собору 1667 г. (№ XXII) и наконецъ житіе Григорія Неронова, составленное послѣ его смерти» (№ XXIII). Впрочемъ, послѣдній документъ важенъ не столько для исторіи раскола ¹⁾, сколько для біографіи Не-

¹⁾ Мы вполне согласны съ замѣчаніемъ редакціи, что въ «Житіи» Неронова о расколѣ говорится не много и не прямо (стр. 245), хотя въ то же время не можемъ признать вполне справедливымъ того мнѣнія редакціи, будто въ «Житіи» вовсе не упоминается о принадлежности Неронова къ дѣлу раскола (см. стр. 285 и 293).

ропова, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ первоначальной исторіи раскола. Правда, въ рассматриваемомъ «Житіи», написанномъ, какъ видно, однимъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей Неропова, — авторъ «Житія», не обвиняясь, величаетъ Неропова угодникомъ Божиимъ, — есть не мало историческихъ невѣрностей, анахронизмовъ и другихъ недостатковъ, но за то въ немъ находится не мало и такихъ свѣдѣній о разныхъ обстоятельствахъ жизни Неропова, которыхъ доселѣ мы не встрѣчали даже въ специальныхъ изслѣдованіяхъ о немъ: Такъ напр. доселѣ ничего не было извѣстно ни о времени и мѣстѣ рожденія Неропова, ни о жизни его до той поры, когда Нероповъ попалъ въ Москву и сдѣлался протопопомъ Казанскаго собора. Точно также до настоящаго времени мы ничего не знали о жизни Неропова послѣ собора 1666 года ¹⁾. Эти пробѣлы въ біографіи Неропова восполняются данными, находящимися въ рассматриваемомъ нами «Житіи» его, а равно и въ другихъ вышеуказанныхъ документахъ (№№ XX—XXIII), до такой степени, что теперь можетъ быть составлена не только вѣрная, но и возможно-полная біографія бывшаго протопопа Московскаго Казанскаго собора. Мало этого: благодаря рассматриваемымъ нами историческимъ памяткамъ, многія событія изъ жизни Неропова, извѣстныя и прежде, являются теперь въ новомъ свѣтѣ. Такъ напр. въ дѣяніяхъ собора 1666 года говорится, что Нероповъ на этомъ соборѣ «отречеса лестнаго си ученія, и даде во свидѣтельство истиннаго си ко истинѣ обращенія свое рукописаніе; и тако пріять бысть и послася въ монастырь Іосифовъ, во еже жити въ мирѣ и покаяніи» ²⁾, а между тѣмъ, какъ показываетъ допесненіе волоколамскаго архимандрита отъ 20 сентября 1666 года, Нероповъ былъ посланъ (31 августа 1666 г.)

¹⁾ «Правосл. Собесѣди». 1869 г., кн. 1, стр. 239 и 365.

²⁾ Дополн. къ истор. акт. т. V, стр. 457.

въ Іосифовъ монастырь «подъ началъ за церковный мятежъ и къ освященному собору за непокореніе», при чомъ «вельно» было «надъ нимъ смотрѣть, чтобъ въ алтарь не входилъ, и въ ризу и въ стихарь не облачался и патрехъли не надѣваль, и въ церкви Божіи нигдѣ людей не училъ, и не благословлялъ, и ничего священническаго не дѣйствовалъ, потому что онъ отъ священнаго собору въ запрещеніи, и отъ священства и отъ компанія отлучень» (стр. 221). О томъ же говорится и въ «молебномъ посланіи Неронова къ вселенскимъ патріархамъ» (стр. 224). А изъ челобитной Неронова къ царю, патріархамъ и собору 1667 г. (№ XXII) видно, что окончательное присоединеніе его къ церкви послѣдовало уже въ 1667 году. Не можемъ не обратить вниманія еще на одно обстоятельство. Доселѣ считалось не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію извѣстіе о томъ, что Нероновъ былъ въ числѣ справщиковъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Между тѣмъ не только самъ Нероновъ ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій не говоритъ объ этомъ обстоятельстве ни слова, но не упоминается объ этомъ и въ «Житіи» его. Если же принять во вниманіе то, что діаконь Оедоръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій прямо говоритъ, что «Нероновъ у книжныя справы на печатномъ дворѣ не сживаль никогда и въ наборщикахъ не бываль, вѣдомо о семъ всей Москвѣ»¹⁾, то молчаніе объ этомъ обстоятельстве самого Неронова и «Житія» его получаетъ еще большее значеніе.

Что касается челобитной Неронова царю Алексѣю Михайловичу за протопопа Аввакума, писанной имъ въ 1664 году, то это небольшое по объему сочиненіе заслуживаетъ вниманія сколько своимъ содержаніемъ,—столько же и еще болѣе тѣмъ, что оно было писано Нероновымъ по приказанію самого царя (стр. 314),—фактъ, который невольно бросается въ глаза и можетъ объяснить многое въ первоначальной исторіи раскола. Царь, съ согласія и при содѣйствіи

¹⁾ Снес. «Правосл. Собесѣди». 1859 г., 2, стр. 469.

котораго патріархъ предпринимаетъ исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, секретно поручаетъ одному изъ противниковъ этого исправленія написать ему «маленькую челобитную» о возвращеніи изъ ссылки другаго и при томъ самаго заклятаго противника того же исправленія. — изъ ссылки, въ которую Аввакумъ посланъ былъ по распоряженію самого царя, вслѣдствіе жалобъ на него духовныхъ властей ¹⁾. Какъ вѣрно отображается въ этомъ фактѣ перѣшительный характеръ Алексея Михайловича и какъ послѣ этого не трудно понять, почему въ это особенно время «явнилася» и умножились «раскольницы и мятежники православныя російскія церкви» ²⁾. Что же касается самой вины, за которую Аввакумъ, недавно возвращенный изъ ссылки въ Сибирь, снова былъ посланъ въ ссылку на Мезень, то, по словамъ Неронова, она состояла только въ томъ, что Аввакумъ, по возвращеніи изъ Сибири въ Москву, рѣшился подать государю «моленейцо о Сергіѣ Салтыковѣ и о Никонорѣ и о иныхъ ко жребію святительскаго чина» (стр. 198 - 199). За это «власти разгнѣвались» на Аввакума и, по выраженію Неронова, «составили ложь, будто онъ протопопъ ходячи по улицамъ и по стогнамъ градскимъ развращаетъ народы, уча, чтобъ къ церквамъ Божиимъ не приходили. А онъ, протопопъ Аввакумъ, продолжалъ Нероновъ, по твоему великаго государя указу молчалъ, ожидая собора, и по улицамъ и по кресцомъ нигдѣ не учивалъ. Только онъ съ Ларіономъ архіепископомъ да съ твоимъ государевымъ духовникомъ говорилъ наединѣ о сложеніи перестовъ, и о трегубой аллилуйи и о прочихъ догматѣхъ..., да о томъ же онъ, протопопъ, говорилъ въ дому окольничева Θεодора Михайловича Ртишева: а нигдѣ онъ нигдѣ и по улицамъ ходя о томъ не говаривалъ» (стр. 199—200). Трудно сказать, на сколько справедливъ въ данномъ случаѣ Неро-

¹⁾ Жит. Аввак. стр. 73.

²⁾ Древн. Росс. Вид. ч. III, стр. 404; Собр. госуд. грам. IV, № 63, 182—185.

новъ. Судя по тому, что самъ Аввакумъ въ своей автобіографіи причиною ссылки его на Мезень выставляетъ то, что опъ, по возвращеніи изъ Сибири въ Москву, послѣ недолгаго «молчанія опять сталъ говорить», т. е. противъ православія и въ пользу раскола, и самъ сознается въ томъ, что «многіе приходили» къ нему «и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ (т. е. православной) ходить», можно думать, что жалоба на Аввакума властей, что онъ «церкви запустошилъ», вслѣдствіе которой царь и послать безпокойнаго протопопа въ ссылку на Мезень ¹⁾, была справедлива, и Нероновъ напрасно старается придать ей видъ клеветы на Аввакума. Съ другой стороны, принимая во вниманіе то обстоятельство, что самъ же Аввакумъ въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу, писанной имъ предъ отъѣздомъ на Мезень, говорилъ: «нынѣ скорбь въ скорби постиже мя, мню, маленькова ради моего молепейца къ тебѣ, великому государю, о духовныхъ властѣхъ, ихже и нужно тебѣ, великому государю, свискать» (стр. 199), и что въ числѣ бумагъ, взятыхъ при обыскѣ у игумена Феоктиста на Вяткѣ, находилась, между прочимъ, «протопопова къ великому государю роспись—кто въ которые во владыки годятца» (стр. 336, № 60), нельзя не согласиться, что и въ вышеприведенныхъ словахъ Неронова есть извѣстная доля правды. Какъ бы, впрочемъ, ни было, несомнѣннымъ оказывается одно: Аввакумъ съ своими единомышленниками домогался въ 1664 году не только того, чтобы царь «на престоль патриаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто возка и отступника Никона злодѣя и еретика» ²⁾, но и того, чтобы и архіерейскія каюдры въ Россіи были замѣщены лицами во вкусѣ Аввакума, приверженцами старины, въ родѣ бывшего строителя Бизюкова монастыря іеромонаха Сергія Салтыкова, который до собора 1666 года былъ «рас-

¹⁾ Жлт. стр. 70—73.

²⁾ Тамъ же, стр. 71.

гольникъ и мятежникъ православно-кафолическія церкви» ¹⁾, или архимандрита Пиканора, такъ печально прославившагося во время осады Соловецкаго монастыря ²⁾. Это послѣднее желаніе Аввакума, очевидно, не могло нравиться «властямъ», особенно духовнымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если «маленькое моленейцо» его объ этомъ предметѣ играло большую роль во враждебныхъ отношеніяхъ къ протопопу «властей» и—въ ссылкѣ его на Мезень.

Еще больше научнаго интереса представляютъ собою напечатанные во второй книжкѣ «Братскаго Слова» документы о бывшемъ Златоустовскаго монастыря игуменѣ Θεоктистѣ. О Θεоктистѣ до настоящаго времени было извѣстно только то, что онъ былъ «единомысленникъ, паче же ученикъ» Перонова, «равная учителю своему мудрствовавшій словомъ и писаніемъ», сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ написалъ слово «о антихристѣ и о тайномъ царствѣ его», затѣмъ раскаялся на соборѣ 1666 года и жилъ послѣ этого въ Покровскомъ монастырѣ, «иже на убогихъ дому», гдѣ и скончался ³⁾. Теперь, благодаря изданнымъ документамъ, личность эта является въ новомъ и — въ извѣстномъ смыслѣ — довольно выгодномъ для Θεоктиста свѣтѣ. Оказывается, что Θεоктистъ имѣлъ немаловажное значеніе въ первоначальной исторіи раскола и былъ въ свое время такъ же опаснымъ для православной церкви человекомъ, что царь призналъ (января 1666 года) нужнымъ арестовать его, и для этого отправилъ въ Вятку, гдѣ въ это время жилъ Θεоктистъ—въ кельяхъ Александра, епископа вятскаго, Новоспасскаго архимандрита и Симоновскаго келаря, наказавъ имъ «взять у него, епископа, Θεоктиста и держать его бережно и дорогою къ Москвѣ вѣсть связана», а «въ епископскихъ во всѣхъ кельяхъ, во всякихъ мѣстѣхъ и сосудѣхъ, и

¹⁾ Дополн. къ ист. акт. т. V, стр. 455.

²⁾ Ист. русск. раск. стр. 200, 204 и 210.

³⁾ Дополн. къ ист. акт. т. V, стр. 457—458; Ист. русск. раск. стр. 171.

въ его Оеоктистовыхъ кельяхъ осмотрѣть всякихъ писемъ, и осмотра взять всякія письма, кромѣ церковныхъ книгъ и епископскихъ домовыхъ» (стр. 322). Обыскъ вполнѣ подтвердилъ дошедшее до Алексѣя Михайловича извѣстіе о томъ, что Оеоктистъ «держитъ у себя на церковь Божию многіе развратныя письма» (стр. 320). Какъ видно изъ напечатанной въ «Братскомъ Словѣ» «росписи книгъ и писемъ, взятыхъ при обыскѣ у Оеоктиста на Вяткѣ» (№ XXVIII), бывший игумень Златоустовскаго монастыря имѣлъ у себя такое множество разныхъ сочиненій (въ формѣ книжицъ, тетрадей, выписокъ, писемъ и пр.), что одно перечисленіе ихъ въ «Братскомъ Словѣ» заняло цѣлый печатный листъ. Редакція замѣчаетъ, что «документъ сей (т. е. роспись) чрезвычайно важенъ для первоначальной исторіи раскола, такъ какъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какого рода книгами, сочиненіями и статьями особенно интересовались первые расколуучители, какой значительный запасъ ихъ можно было найти тогда даже у одного лица изъ поборниковъ раскола и какъ поэтому значительно было общее число ихъ, и потомъ—какое множество существовало уже до собора 1666—67 г. сочиненій и статей, написанныхъ самими расколуучителями, или въ расколуучическомъ духѣ, и какъ быстро онѣ расходились по рукамъ, что возможно было только при существованіи самой тѣсной связи между преданными расколу лицами» (стр. 323). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ редакціи, мы съ своей стороны считаемъ долгомъ совѣсти прибавить: редакція напечатаніемъ «росписи» и «показанія, отобраннаго у Оеоктиста 15 февраля 1666 года, въ которомъ объясняется происхожденіе взятыхъ у Оеоктиста книгъ и писемъ» (№ XXIX), сдѣлала такой подарокъ наукѣ о расколѣ, который можетъ быть оцѣненъ вполнѣ только тѣми, кто знаетъ, какаѣ тѣма покрываетъ доселѣ первоначальную исторію раскола и какъ въ то же время дорого вѣрное и безпристрастное изложеніе этой исторіи. А когда редакція исполнитъ свое, не разъ высказываемое въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ къ «росписи», обѣщаніе напеча-

тать въ своемъ мѣстѣ тѣ изъ взятыхъ у Оеоктиста сочиненій, которыя сохранились доселѣ главнымъ образомъ въ Синодальной библіотекѣ, тогда заслуга ея предъ наукой еще болѣе уяснится всѣмъ и каждому.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ документовъ, во второй книгѣ напечатаны еще слѣдующіе матеріалы о Оеоктистѣ: два посланія его къ боярыниѣ Ѳеодосѣ Морозовой (№№ XXIV и XXV), царская грамота епископу вятскому Александру о выдачѣ игумена Оеоктиста и бумагъ его Новоспасскому архимандриту (№ XXVI) вмѣстѣ съ «наказомъ» послѣднему (№ XXVII), два «молебныхъ посланія старца Оеоктиста къ собору 1666 года (№№ XXX и XXXI) и нѣсколько мелкихъ документовъ, относящихся къ судьбѣ Оеоктиста послѣ собора 1666 года. Хотя эти документы не имѣютъ того важнаго значенія для первоначальной исторіи раскола, какое бесспорно принадлежитъ прежде разсмотрѣннымъ нами; тѣмъ не менѣе и въ нихъ содержится не мало весьма любопытныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній какъ о самомъ Оеоктистѣ, такъ и о другихъ лицахъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ. Такъ напр. изъ посланій Оеоктиста къ Морозовой видно, какую роль играла въ свое время эта богатая и знатная покровительница раскола и его поборниковъ; къ ней обращались за помощью матеріальною и нравственною приверженцы старины всякаго калѣбра: и вродивые въ родѣ «блаженнаго Кипріана, многострадальнаго Ѳеодора и трудника вѣрности Анастасія», и протопопы, и даже епископы. Александръ, епископъ вятскій, занимаетъ въ этихъ посланіяхъ Оеоктиста первое мѣсто. Прося Морозову о покровительствѣ разнымъ лицамъ, Оеоктистъ съ особеннымъ усиліемъ старается обратить ея милостивое вниманіе на Александра вятскаго: «прилѣжи ратуюму злѣ отъ Пивона отцу отцемъ епископу Александру вятскому и многое время страждущу руку помощи подай, и братію о сихъ умоли». По словамъ Оеоктиста, положеніе Александра въ Вяткѣ было довольно затруднительно: новооткрытая епископія находилась въ «нестроеніи», самъ епи-

скопъ пуждался въ «келейномъ покоѣ», а «домовые его приказные и всякихъ чиновъ люди, не имѣя своихъ дворовъ, жили у посадскихъ людей по подворьямъ; мѣсяць поживши, или два, писалъ Феоктистъ, да на другой дворъ переходять по пужди, что градскіе люди въ Хлыновѣ грубы и самочинны, съ безчестіемъ есылають епископскихъ людей съ дворовъ» (стр. 311). Впрочемъ, какъ ни велико было «нестроеніе» вятской «епископіи», Александръ находилъ время не только для переписки съ московскими покровителями своими, но даже—для просмотра и исправленія присылаемыхъ ему ими сочиненій въ пользу раскола (стр. 313—314). 26 апрѣля 1665 года вятскій епископъ получилъ неожиданное утѣшеніе въ своихъ страданіяхъ. Въ полученной имъ въ этотъ день «богомольной грамотѣ» царя, извѣщавшаго вятскаго архіерсея о рожденіи царевича Симеона Алексѣевича, Александръ былъ «написанъ въ лицѣ и на подписи архіепископомъ». Ни мало не медля «преосвященный Божій архіерей, Александръ архіепископъ вятскій и великопермскій» посылаетъ «страпчава своево Саву Васильева къ Москвѣ» справиться, не по ошибкѣ ли онъ названъ въ царской грамотѣ архіепископомъ, и, если по ошибкѣ, то пельвя-ли какъ нибудь царскую ошибку превратить «въ правду». А Феоктистъ, жившій въ кельяхъ Александра, съ своей стороны пишетъ боярыню Морозовой новое посланіе, въ которомъ, доказывая, что «для всемірныхъ радости пристойтъ государьской милости въ нему, великому господину, быти», проситъ Морозову помочь Александру «и собою и благородными родителями»—получить архіепископство, если оно еще не утверждено за нимъ (стр. 317). Фактъ самъ по себѣ не болѣе, какъ курьезный, но онъ, въ связи съ прежде сказаннымъ объ Александрѣ, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ той общепринятой мысли, что Александръ вятскій въ своемъ протестѣ противъ исправленія книжнаго водилея не столько убѣжденіемъ въ необходимости оставить богослужебныя книги въ ихъ прежнемъ неисправленномъ видѣ, сколько личною враждою къ патріарху Николу за то, что онъ,

присоединивъ къ своей патріаршей области коломенскую епархію, Александра, бывшаго коломенскимъ епископомъ, перевелъ въ Вятку. Какъ видно изъ вышенриведеннаго факта, Александръ былъ очень честолюбивъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ своемъ новомъ назначеніи изъ епархіи ближайшей къ столицѣ въ епархію далекую и неустроенную увидѣлъ личное себѣ оскорбленіе со стороны патріарха, и рѣшился отметить Пикону, подавъ на него, по примѣру другихъ, жалобу царю, въ которой обвинялъ патріарха въ искаженіи священныхъ книгъ и обрядовъ, исправленіе которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ самъ же одобрилъ, вмѣстѣ съ другими русскими архіереями на соборѣ 1656 года, въ званіи коломенскаго епископа.

Честолюбивыя мечты Александра вятскаго объ архіепископствѣ въ скоромъ времени были уничтожены самымъ жестокимъ образомъ. Въ самомъ началѣ 1666 года царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ Александру новую грамоту, и въ этой грамотѣ не только называетъ его просто епископомъ, но еще повелѣваетъ вятскому архіерею—отдать посланнымъ изъ Москвы жившаго у него старца Θεоктиста, державшаго у себя, какъ стало извѣстно государю, «многіе развратныя письма на церковь Болію», и въ тоже время—позволить имъ сдѣлать обыскъ въ его архіерейскихъ кельяхъ, при чемъ царь прибавлялъ: «а того тебѣ отнюдь не учинить, что ево, Θεоктиста,.... не отдать и писемъ ево въ кельяхъ своихъ осмотрѣтьне дать» (стр. 521). Въ данномъ случаѣ невольно бросается въ глаза не столько то обстоятельство, что въ архіерейскихъ покояхъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ приказываетъ сдѣлать обыскъ, хотя, очевидно, Алексѣй Михайловичъ очень хорошо понималъ всю нецелесообразность такого поступка, когда стоило нужнымъ заключить свою грамоту слѣдующими словами: «и тебѣ, богомольцу нашему, въ зазоръ себѣ того не поставить, что въ кельяхъ твоихъ ево Θεоктистовы письма осмотрѣны будутъ», — только то, что царь посылаетъ грамоты, какъ своему «богомольцу», такому архіерею, который еще

въ 1663 году подалъ ему челобитную, оуждая въ ней исправленіе сѣмвола и вообще богослужебныхъ книгъ и благоустроеніе чиновъ церковныхъ¹⁾, начатое Никономъ съ согласія и при участіи царя, а теперь (въ 1665—1666 г.) держигъ у себя въ кельяхъ человѣка, храпившаго у себя «на церковь Божию многіе развратныя письма». Повторяемъ: при такомъ двумисленномъ отношеніи свѣтской власти къ ревнителямъ старины, церковная реформа Никона, по нашему мнѣнію, и не могла кончиться иначе, какъ раздѣленіемъ русскаго общества на двѣ, хотя и далеко неравныя, части,—расколомъ.

Во второмъ отдѣлѣ второй книжки «Братскаго Слова» мы встрѣчаемъ продолженіе труда іеромонаха Филарета: «опытъ сличенія церковныхъ чинопостѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ первыми пятью россійскими патріархами», и статью безъ подписи автора, подъ названіемъ: «два примѣчательныя свидѣтельства древности о перстосложеніи для крестнаго знаменія». Такъ какъ объ изслѣдованіи о. Филарета мы уже привели въ своихъ замѣткахъ о первой книжкѣ «Братскаго Слова» отзывъ самой редакціи, то, не входя въ дальнѣйшія сужденія объ немъ, мы обратимъ въ настоящій разъ вниманіе на статью неизвѣстнаго автора о перстосложеніи. Послѣ краткихъ, но въ высшей степени дѣльныхъ замѣтокъ о томъ, какое значеніе вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія имѣлъ въ православной полемикѣ съ расколомъ въ продолженіе двухъ почти столѣтій и какъ нужно смотрѣть на перстосложеніе, а равно и другія обрядовыя особенности, отличающія расколъ отъ православія, въ настоящее время, неизвѣстный авторъ приводитъ затѣмъ два свидѣтельства древности о перстосложеніи для крестнаго знаменія — «свидѣтельства, по его словамъ, непрерываемой важности и тѣмъ болѣе заслуживающія вниманія, что объ нихъ совсѣмъ не упоминается въ прежнихъ

¹⁾ Дополн. къ истор. акт. V, 447.

полемиическихъ сочиненіяхъ противъ раскола», и именно: свидѣтельство о троеперстїи изъ житїя пр. Александра Ошевенскаго, написаннаго въ началѣ второй половины XVI столѣтія современникомъ стоглаваго собора, и свидѣтельство о томъ же Мелетїа, патріарха Александрійскаго, родившагося въ 1535—1540 г. Мы вполне согласны, что оба свидѣтельства, по своей древности и ясности, должны имѣть непререкаемую важность для каждаго какъ православнаго, такъ и старообрядца, въ рѣшенїи вопроса о перстосложенїи для крестнаго знаменїа, но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, будто бы объ этихъ свидѣтельствахъ совсѣмъ не упоминается въ прежнихъ полемиическихъ сочиненїяхъ противъ раскола. Сколько намъ извѣстно, на свидѣтельство о троеперстїи изъ житїя пр. Александра Ошевенскаго первый обратилъ свое вниманїе покойный преосвященный Игнатїй олонецкій (скончался архіепископомъ воронежскимъ) и привелъ его въ своемъ полемиическомъ трудѣ противъ раскола, подъ названїемъ: «Истина св. Соловецкой обители», напечатанномъ въ 1744 году (стр. 92—93). Съ тѣхъ поръ это свидѣтельство не разъ указывалось православными полемиками, писавшими о перстосложенїи для крестнаго знаменїа. Такъ напр., мы находимъ его въ сочиненїи «о Оеодоритовомъ словѣ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1866 году (стр. 78—80), о. Іоанна Виноградова и въ статьѣ: «о перстосложенїи для крестнаго знаменїа и благословенїа по нѣкоторымъ новоизслѣдованнымъ источникамъ», архимандрита Никанора (цнѣ акасайскаго епископа), напечатанной въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1870 годъ (ч. 1, стр. 147—152). Не говоримъ уже о томъ, что на разсматриваемое свидѣтельство обращали свое вниманїе и другїе наши писатели, хотя и не съ цѣлю—полемицировать съ расколомъ, о чемъ прямо и замѣчается въ одномъ изъ примѣчанїй въ разсматриваемой нами статьѣ (стр. 151). Такимъ образомъ, повторяемъ, мы не можемъ согласиться съ неизвѣстнымъ авторомъ статьи въ томъ, будто бы «у православныхъ писателей прежняго времени, оставившихъ намъ сочиненїа противъ раскола, мы

не встрѣчаемъ вовсе указанія» на свидѣтельство о перстосложеніи—изъ житія пр. Александра Опевенскаго ¹⁾).

Что же касается свидѣтельства о перстосложеніи для крестнаго знаменія Мелетія, патріарха Александрійскаго, то и объ немъ читающій русскій міръ уже былъ оповѣщенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя, правда, не въ полемическомъ сочиненіи противъ раскола, а въ исторической монографіи ²⁾. Такимъ образомъ оба, приведенныя во второй книжкѣ «Братскаго Слова», свидѣтельства древности о перстосложеніи, строго говоря, не составляютъ новости для науки о расколѣ; изъ этого, однако же, не слѣдуетъ, чтобы напечатаніе ³⁾ этихъ свидѣтельствъ въ журналѣ, специально посвященномъ изученію раскола, было излишне и бесполезно; напротивъ, помѣстивъ въ своемъ изданіи указанныя свидѣтельства, редація не только не отступила отъ своей главной задачи, но оказала существенную услугу тѣмъ, кто призванъ дѣйствовать на заблуждающихъ словомъ увѣщанія и въ то же время не можетъ имѣть у себя подъ руками всѣхъ, выходящихъ въ свѣтъ, сочиненій. Не можетъ не быть благодарна редакціи и наука о расколѣ за рассматриваемую нами статью. Неизвѣстный авторъ не ограничился однимъ напечатаніемъ свидѣтельствъ о перстосложеніи, но обставилъ эти свидѣтельства такими критическими и библиографическими замѣтками, которыя, уясняя правильное пониманіе дѣла, въ то же время вносятъ не мало поваго въ науку о расколѣ. Дѣло въ томъ, что еще въ то время, когда православныя полемики противъ раскола

¹⁾ Или, быть можетъ, подъ «прежнимъ временемъ» авторъ разумѣетъ времена давно минушія? Въ такомъ случаѣ мы согласны съ нимъ, и просимъ ваши замѣчанія объ этомъ предметѣ считать слѣдствіемъ недоразумѣнія, вызваннаго въ насъ неточностію выраженій автора.

²⁾ Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, г. Малышевскаго, 1872 года, т. 1, стр. 287.

³⁾ Хотя бы даже и вторичное, — такъ какъ въ первой книжкѣ «Братскаго Слова» — въ статьѣ преосвященнаго архіепископа Литовскаго Макарія свидѣтельство изъ житія пр. Александра Опевенскаго приведено въ одномъ изъ примѣчаній (отд. II, стр. 60, прим. 43).

доказывали правильность содержащихся церковію обрядовъ одними теоретическими разсужденіями, или свидѣтельствами такихъ памятниковъ древности, которые вполнѣдствіи оказались довольно новыми по происхожденію, старообрядцы, защищавшіе свое «древнее благочестіе» старыми книгами, обратили, какъ можно догадываться, свое вниманіе и на житіе пр. Александра Ошевенскаго, написанное еще въ 1567 году, и, замѣтивъ въ немъ весьма ясное свидѣтельство въ пользу троеперстія, рѣшились, по обычаю, если не сдѣлать изъ него доказательства въ пользу двуперстія, то во всякомъ случаѣ отнять у него значеніе весьма важнаго доказательства въ защиту древности троеперстія, и для этого «сократили» житіе преподобнаго, опустивъ изъ него, между прочимъ, и тѣ слова, въ которыхъ заключается свидѣтельство о древности троеперстія ¹⁾. Но, очевидно, такая продѣлка поборниковъ мнимой старины съ дѣйствительно древнимъ произведеніемъ нашей церковной литературы не могла достигать той цѣли, для которой она была предпринята; правда, старообрядцы, читая житіе пр. Александра Ошевенскаго въ сокращенной редакціи, не видѣли истиннаго свидѣтельства этого памятника относительно троеперстія, но только—тѣ, которымъ не удавалось видѣть и читать житіе полной редакціи, и до тѣхъ поръ, пока православные писатели не обратили своего вниманія на этотъ памятникъ древне-русской письменности. Съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, даже по сознанію самихъ противниковъ духовной школы, въ ней стали обра-

¹⁾ По полному житію, свидѣтельство читается такъ: «азъ же (т. е. писатель житія, іеромонахъ ошевенской обители Феодосій) возбнувъ отъ видѣнія и никого же видѣ. И наипаче начахъ плакати и рыдати, повеже много пререковахъ святому. И увѣдѣ бывша надъ собою, яко десная рука моя ослабѣ, длань же о заплестіи согнуся, три же перста верхнихъ едва возмогахъ в мѣсто содвигнути, иже на лицѣ своемъ крестное знаменіе вообразати, два же верста лпжихъ ко длани прикорчшася». Въ сокращенномъ житіи это свидѣтельство передается слѣдующимъ образомъ: «опъ же возбнувъ отъ видѣнія и увѣдѣ бывша, яко десная рука его ослабѣ, длань же о заплестіи согнуся, два же перста къ длани прикорчшася».

щать больше вниманія на изученіе русской исторіи и даже русскаго раскола ¹⁾, становится извѣстнымъ нашимъ ученымъ въ числѣ другихъ памятниковъ древней литературы и житіе препод. Александра Ошевенскаго. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени наши писатели, говоря объ этомъ житіи, уже не оставляли по крайней мѣрѣ безъ упоминанія находящееся въ немъ свидѣтельство о троеперстіи, а защитники православнаго обряда стали ссылаться на него и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, и особенно въ устныхъ бесѣдахъ съ старообрядцами. Что оставалось дѣлать ревнителямъ мнимой старины при такомъ положеніи дѣла? Указывать на сокращенное житіе, въ которомъ нѣтъ свидѣтельства о троеперстіи, нельзя стало; нашлись списки житія полной редакціи, относящіеся къ началу XVIII вѣка и даже къ концу XVI вѣка, — ревнителямъ старины неудобно было, особенно въ такомъ важномъ вопросѣ, предпочитать этимъ древнимъ спискамъ списки житія сокращенной редакціи, составленные, какъ можно думать, не ранѣе начала XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ писанные уставомъ этого вѣка. Одинъ изъ самыхъ главныхъ старообрядческихъ начетчиковъ и писателей, именно въ этомъ званіи состоящій при особѣ нынѣшняго Московскаго архіепископа Антонія Шутова, Онисимъ Швецовъ, рѣшился на отчаянное средство, чтобы вывести любителей двуперстія изъ затруднительнаго положенія. Онъ написалъ въ 1873 году цѣлое сочиненіе, въ которомъ старается опровергнуть подлинность паходящагося въ житіи Александра Ошевенскаго свидѣтельства о троеперстіи и доказать, что будто бы оно есть пелѣ, какъ поздняя и злонамѣренная продѣлка троеперстниковъ, сдѣланная въ началѣ XVIII вѣка. Въ подробномъ, и нужно прибавить, въ высшей степени дѣльномъ разборѣ этого новѣйшаго произведенія раскольничьяго пера и состоятъ тѣ замѣтки, которыми сопровождаетъ авторъ разсматриваемой на-

¹⁾ «Правосл. Собесѣд.» 1863 г., III, стр. 172 и 175 г. «Правосл. Обзор.» — Извѣст. — 1863 г.

ми статьи свидѣтельство о перстосложеніи изъ житіи Александра Ошевенскаго и въ которыхъ, по нашему мнѣнію, заключается главное достоинство этой статьи. Что же касается замѣтокъ, которыя предпосылаетъ авторъ свидѣтельству Мелетія, патріарха Александрійскаго, то онѣ состоятъ изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о самомъ Мелетіи и довольно обстоятельныхъ бібліографическихъ свѣдѣній какъ о сочиненіи его, изъ котораго взято свидѣтельство о перстосложеніи, такъ и о томъ сборникѣ сочиненій Александрійскаго патріарха, хранящемся въ Московской Синодальной бібліотекѣ, въ которомъ находится это сочиненіе (*χριστιανός ὀρθόδοξος*). Замѣтки эти написаны съ цѣлію устранить всякія подозрѣнія со стороны старообрядцевъ относительно подлинности Мелетіева свидѣтельства о перстосложеніи. Для старообрядцевъ это свидѣтельство должно имѣть особенно важное значеніе—потому, что имя Мелетія тѣсно связано съ исторіей учрежденія у насъ доселѣ оплакиваемого старообрядцами патріаршества, а многія сочиненія его внесены въ уважаемую старообрядцами, такъ называемую, Кириллову книгу.

Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія статьи: «записка игумена Павла о двухъ его бесѣдахъ съ безноповскими паставниками, происходившихъ въ Новоалександровскѣ 28 и 29 января 1875 года» и его же «бесѣда о Великомъ Катихизисѣ, Теодоритовомъ словѣ и Мелетіи Аптіохійскомъ», «замѣтка о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина» и «лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій». Входитъ въ подробное обсужденіе бесѣды о Павла мы считаемъ излишнимъ. Надѣемся, что не только тѣ изъ нашихъ читателей, кому выпала жребій быть пастырями церкви, обязанными вразумлять нашихъ заблуждающихся братій, но и всѣ тѣ, кто почему либо интересуется расколомъ, давно уже знакомы съ характеромъ и достоинствомъ бесѣды съ старообрядцами достопочтеннаго о. игумена, по изданной имъ еще въ 1871 году о громной книгѣ «воспоминаній, бесѣды и иныхъ сочиненій о глаголе-

момъ старообрядцевъ»¹⁾. О. Павель остался вѣреть себѣ и въ бесѣдахъ своихъ съ безоповскими наставниками, происходившихъ въ Новоалександровскѣ въ началѣ настоящаго года. Тотъ же духъ любви и кроткой снисходительности къ заблуждающимъ, тоже знаніе дѣла, тоже искусство доводить противника до молчанія, или даже открытаго, противъ воли, признанія православной истины, какими отличаются прежде изданныя бесѣды о. игумена, встрѣчаются и въ новыхъ его бесѣдахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. А потому, не входя въ подробное изложеніе содержанія разсматриваемыхъ бесѣдъ, мы обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ о. Павель сдѣлался изъ безоповщинскаго наставника сыномъ и вмѣстѣ пастыремъ церкви, не проходитъ, кажется, ни одного года, въ теченіе котораго онъ не побывалъ бы въ двухъ — трехъ епархіяхъ для собесѣдованій съ раскольниками. Путешествія эти съ миссіонерскою цѣлію, совершаемыя и зимой и лѣтомъ и осенью и весной, предпринимаются о. Павломъ нерѣдко по собственному его желанію, по большею частію по приглашенію епархіальныхъ пресвященныхъ, а иногда даже по распоряженію Святѣйшаго Синода. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть отрадной для каждаго вѣрующаго заботливости епархіальныхъ начальствъ и самой церковной власти о приведеніи заблуждающихъ въ ограду св. церкви, и при томъ тѣми именно мѣрами, которыя однѣ и свойственны православной истинѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ рельефно выступаетъ въ этомъ случаѣ свѣтлая личность о. игумена Павла, который, по обращеніи въ православіе, кажется, поставилъ главной и единственной задачей своей жизни — служить св. церкви въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихъ съ тою же неутомимою ревностію и усердіемъ, съ какими прежде дѣйствовалъ во вредъ церкви и въ пользу раскола. О. Павель, очевидно, хорошо

¹⁾ Нѣкоторые изъ вошедшихъ въ эту книгу «воспоминаній и бесѣдъ» о. Павла были напечатаны отдѣльной книгой еще въ 1868 году.

усвоилъ себѣ слова Апостола Іакова (V, 19 и 20) и, помня свои прежнія прегрѣшенія предъ св. церковію, снѣшитъ такъ сказать, покрыть ихъ обращеніемъ прежнихъ своихъ братій, нерѣдко имъ же совращенныхъ съ пути истинны, отъ заблужденія пути ихъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, ежегодныя путешествія настоятеля Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ разныя епархіи для собесѣдованій съ раскольниками, очень не рѣдко оканчивающіяся успѣхомъ, представляютъ собою явленіе въ высшей степени отрадное. Но, да простятъ намъ наши читатели, если мы укажемъ имъ въ этомъ свѣтломъ явленіи и нѣкоторую тѣнь, которая не можетъ не смущать всякаго, кто дорожитъ истиной, любить св. церковь и неравнодушенъ къ участи нашихъ заблуждающихъ братій.

Надѣмся, что всякій, кто слѣдитъ за газетами и другими періодическими изданіями, не могъ не замѣтить, что и въ Новоалександровскѣ, и въ Рѣжицахъ, и въ Динабургѣ, и въ Ригѣ, и въ Старорусскомъ уѣздѣ, и въ Псковской губерніи, и въ Гуслицахъ, и въ Саратовской епархіи, и на Дону, и въ Симбирской губерніи, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ только ни происходятъ въ послѣдніе годы публичныя собесѣдованія съ раскольниками, — дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ со стороны православія является одинъ и тотъ же о. Павель, игуменъ Московскаго единовѣрческаго монастыря ¹⁾. Указывая на этотъ фактъ, мы не то хотимъ сказать, что одному человеку, и при томъ некрѣпкому здоровьему, такой трудъ — не по силамъ, — сила Божія въ немощи совершается, и о. Павель, сколько намъ извѣстно, не тяготится своими путешествіями для дѣла Божія, — а то, что если преосвященные разныхъ епархій, при первомъ желаніи устроить у себя публичныя собесѣдованія съ раскольниками, обращаютъ свое вниманіе на Москву и приглашаютъ для этихъ собесѣдованій настоятеля Московскаго единовѣрческаго монастыря, игумена Павла,

¹⁾ Иногда съ тою же цѣлю путешествуютъ іеромонахъ Пафлутій, священникъ Голубевъ и др., — но рѣдко.

то не значить-ли это, что и въ настоящее время мы ведемъ борьбу съ расколомъ также оригинально. какъ оригинально вели ее полтора ста лѣтъ тому назадъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ то время (именно въ первую четверть прошлаго столѣтія) людей, способныхъ къ собесѣдованію съ раскольниками, Москва, Петербургъ, Калуга, Вязники, Ржевъ, Тверь, Торжокъ, Олонекъ, Стародубъ и другіе православные города искали въ Нижнемъ Новгородѣ, откровенно сознаваясь, что въ нихъ самихъ «таковыхъ людей къ оному дѣлу (т. е. «разговору о вѣрѣ» съ раскольниками) искусныхъ нѣкого не обрѣтается, понеже которые хотя отъ книгъ божественнаго писанія и весьма довольство имѣють, но токмо ихъ раскольническихъ падеіевъ въ тонкость познать и съ ними разговоры имѣть вдаль не могутъ»¹⁾, между тѣмъ какъ въ наши дни почти всѣ города православной Руси ищутъ и обрѣтаютъ человѣка, знающаго всѣ «раскольническіе падежи» и имѣющаго «къ разглагольствію съ раскольники неусыпную охоту», въ Москвѣ. Мы ни чуть не противъ того, чтобы Москва играла нынѣ въ дѣлѣ обращенія заблуждающихъ къ церкви роль Нижняго Новгорода и, вмѣсто іеромонаховъ Неофита, Юсифа Рѣпилова и Филарета, которыхъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія всюду просили у преосвященнаго Нижегородскаго Интиряма, посылала въ разныя епархіи для собесѣдованій съ раскольниками о игумена Павла; первопрестольной столицѣ, въ которой появились первыя сѣмена раскола и которая до настоящаго времени не утратила первенствующаго значенія въ дѣлахъ раскола, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго, естественнѣе, чѣмъ Нижнему, или другому какому либо городу, быть центромъ миссіонерскаго управленія и имѣть у себя людей, знающихъ «въ тонкость всѣ раскольническіе падежи», а о. Павелъ,

¹⁾ Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣд. прав. слов. т. 1, № 227, стр. 245, слес. № 131, стр. 153; Описаніе документ. и дѣл, т. 1, стр. 472—482, 571—588.

кроме того, что «къ разглагольствію съ раскольщики ревность и силу вѣдѣніемъ въ писаніи имѣеть не точію мѣе оныхъ Филарета, Неофита и др., но и вѣще», посылается иногда въ разныя мѣста для собесѣдованій съ старообрядцами, вслѣдствіе ихъ собственныхъ просьбъ, какъ бывший нѣкогда ихъ знаменитый и уважаемый наставникъ (отд. III, стр. 160). Но мы не можемъ не выразить глубокаго и искренняго сожалѣнія о томъ, что часто о. игумень командировается въ ту или другую епархію не потому только, что старообрядцы этихъ епархій были нѣкогда его учениками, но и потому, что и въ настоящее время, говоримъ, не рискуя впасть въ ошибку, почти во всѣхъ нашихъ епархіяхъ «таковыхъ людей къ оному дѣлу искусныхъ никого не обрѣтается», или по крайней мѣрѣ мало обрѣтается, «поже которые хотя отъ книгъ божественнаго писанія и весьма довольство имѣють, но токмо ихъ раскольническихъ надеіевъ въ тонкость познать и съ ними разговоръ имѣть вдаль не могутъ». Долго-ли будетъ продолжаться такой порядокъ вещей, мы не знаемъ; но можемъ сказать, не опасаясь погрѣшить противъ истины, что доколѣ наши епархіи не будутъ имѣть въ лицѣ всѣхъ приходскихъ священниковъ своихъ Павловъ, т. е. людей, до тонкости изучившихъ всѣ раскольническіе надежи, — дѣло обращенія заблуждающихъ на путь истины будетъ идти также безуспѣшно, какъ безуспѣшно шло оно доселѣ. Мы вполнѣ вѣримъ, что бесѣды о. Павла съ старообрядцами производятъ на многихъ изъ нихъ сильное впечатлѣніе, что о. игумень иногда дѣлаеть безотвѣтными самихъ наставниковъ раскольническихъ, или даже заставляетъ ихъ торжественно сознаваться въ томъ, что законнаго права на учительство и вообще на исполненіе пастырскихъ обязанностей они не имѣють (отд. III, стр. 161 и 164); но всего этого, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало для того, чтобы лица, цѣлую жизнь коспѣвшія въ расколѣ, сознали его неправоту и обратились къ церкви; убѣжденія, хотя бы и ложныя, не измѣняются въ продолженіе двухъ-трехъ дней, а на-

ставники раскольническіе, безотвѣтныя въ присутствіи миссіонера, не замедлятъ, конечно, ослабить неблагопріятное для нихъ впечатлѣніе бесѣдъ случайнаго проповѣдника, скоро возстановятъ свой авторитетъ въ глазахъ простодушной массы и снова примутся за свою неустанную работу «въ пользу древняго благочестія»; кто имъ противустанетъ? Впрочемъ, справедливость мысли, что для успѣшнаго дѣйствованія на старообрядцевъ — съ цѣлію обращенія ихъ къ церкви недостаточно однихъ миссіонеровъ, хотя бы они были искусны въ своемъ дѣлѣ также, какъ искусенъ о. Павелъ, а необходимо еще обстоятельное знаніе раскола всеми приходскими священниками, чтобы и они, въ случаѣ нужды, «могли безъ затрудненія обличать его заблужденія, въ какомъ бы видѣ они не обнаруживались» ¹⁾, давно уже сознава какъ епархіальными преосвященными, такъ и самую церковною властію. Плодомъ этой мысли были, такъ называемыя, миссіонерскія отдѣленія въ семинаріяхъ, въ которыхъ лучшіе воспитанники должны были изучать расколъ со всевозможною обстоятельностью. Нельзя не пожалѣть отъ всей души, что эти отдѣленія, не успѣвшія еще, такъ сказать, войти въ свои задачи, были закрыты, и нынѣ преподаваніе ученія о расколѣ въ каждой семинаріи предоставлено мѣстному благоусмотрѣнію и, главное, мѣстнымъ средствамъ. При такомъ положеніи дѣла о. Павлу долго еще придется путешествовать по разнымъ городамъ и весямъ нашего обширнаго отечества, а расколъ по прежнему будетъ не слабѣть, а умножаться, какъ было это и въ то время, когда разъѣзжали по разнымъ городамъ и заводамъ Россіи Неофиты, Іосифы Рѣшиловы и другіе знатоки «раскольническихъ надежей», а приходское духовенство наше, по свидѣтельству Посошкова, «не токмо отъ лютерскія или отъ Римскія ереси, но отъ самого дурацкаго раскола не знало чѣмъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 535—537, 743—644 и др.

²⁾ Собр. пост. по части раск., 1860 г. кн. 2, стр. 526 — 527, 623 — 624 692 и др.

оправити себя, а ихъ бы обличить и научить, какъ имъ жить и отъ пропасти адскія како имъ избѣть, по и запретить вѣрно не разумѣло» ¹⁾). Надѣмся, по крайней мѣрѣ, что наши пастыри нервы, личныя возможности изучать «до тонкости» расколъ въ школѣ, не преминутъ воспользоваться для ознакомленія «съ раскольническими надежами» тѣми данными, какія представляетъ современная литература и въ частности «Братское Слово».

Небольшая замѣтка о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина составляетъ собственно перепечатку напечатанной еще въ 1866 году статейки объ этомъ предметѣ, написанной первоначально по желанію и по мысли покойнаго Московскаго митрополита Филарета, который въ письмѣ на имя недавно скончавшагося о. ректора Московской академіи, протоіеря А. В. Горскаго, поручилъ передать редактору «Братскаго Слова» слѣдующее: «стоило бы труда написать, или упомянуть о дѣяніи на Мартина съ болѣе свободною критикою, нежели донышѣ... Нельзя ли поставить дѣло такъ? Дѣяніе представляетъ признаки неподлинности; употреблявшіе его противъ раскольниковъ не были знакомы съ археологическими и критическими приѣмами и потому довѣрчиво пользовались благоприятнымъ документомъ. Существенная вина на неизвѣстномъ, который вздумалъ послужить правдѣ неправдой» (стр. 142 примѣч.). Въ такомъ тонѣ и составлена была замѣтка о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина въ 1866 году и напечатана въ «Современной Лѣтописи», а теперь перепечатана въ «Братскомъ Словѣ». Нельзя не быть глубоко благодарнымъ почившему Московскому архипастырю за его авторитетное указаніе повои постановки въ духовной наукѣ вопроса о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина ²⁾; нельзя не поблагодарить и автора «замѣтки» за мастерское выполненіе

¹⁾ О скуд. и бог. стр. 10.

²⁾ Сибирскіе писатели еще раньше 1866 года уже высказывали мысль о неподлинности соборнаго дѣянія на еретика Мартина.

имъ мысли покойнаго святителя, хотя въ то же время нельзя не сознаться, что сказанное въ «замѣткѣ» далеко не исчерпываетъ вопроса и не разрѣшаетъ всѣхъ недоумѣній, какія предъявлялись и предъявляются старообрядцами относительно признавнаго теперь неподлиннаго документа. Предоставляя разрѣшеніе этихъ недоумѣній будущему, когда, вѣроятно, наступитъ возможность говорить о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина еще съ болѣе свободною критикою, чѣмъ какая видна въ «замѣткѣ», и болѣе положительно, чѣмъ отрицательно, мы обратимъ теперь вниманіе на другую сторону дѣла, имѣющую отношеніе къ соборному дѣянію на еретика Мартина. Неподлинность этого дѣянія теперь считается несомнѣнною; а если такъ, то, по долгу правды, и тѣ возрѣнія на многіе изъ содержимыхъ старообрядцами обрядовъ, какія высказывались въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, на основаніи этого дѣянія, и по которымъ выходило, что напр. двуперстіе заимствовано будто бы нашими предками отъ армянъ и есть обычай армянскій, должны быть признаны неосновательными, и существенная вина за нихъ должна падать на того же неизвѣстнаго, который вздумалъ послужить правдѣ неправдой. Къ сожалѣнію, взгляды на двуперстіе, какъ армянскій обычай, были высказаны не въ тѣхъ только полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, которыя писались послѣ изданія въ 1718 году соборнаго дѣянія на еретика Мартина, но и въ тѣхъ, которыя напечатаны были до появленія въ свѣтъ неподлиннаго документа. Въ Жезлѣ напр. и Увѣтѣ двуперстіе прямо трактуется, какъ армянскій обычай. На кого же должна пасть вина за такой взглядъ на старообрядческое перстосложеніе для крестнаго знаменія писателей указанныхъ книгъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ справедливо, необходимо, по нашему мнѣнію, показать, кто первый высказалъ у насъ такой взглядъ на двуперстіе и въ чемъ онъ состоялъ.

Какъ свидѣтельствуютъ памятники, впервые лица, крестящіяся не тремя перстами, названы «подражателями арме-

новъ» — единовѣрными намъ восточными святителями — Макаріемъ, патріархомъ Антіохійскимъ, Гавріиломъ, патріархомъ Сербскимъ, Григоріемъ, митрополитомъ Никейскимъ, и Гедеономъ, митрополитомъ Молдавскимъ, бывшими у насъ въ Москвѣ въ то время (въ 1655 — 1656 году), когда патріархъ Никонъ приступилъ къ книжному исправленію. На вопросъ Никона, которыми перстами нужно изображать крестное знаменіе, указанные іерархи отвѣчали: «треми первыми персты десныя руки, и ктоотъ христіанъ православныхъ не творить крестъ тако, по предаію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже доднесь, есть... подражатель арменовъ». Здѣсь не сказано прямо, что двуперстіе есть армянскій обычай, а только названы «подражателями арменовъ» лица, не крестящіеся тремя перстами. Но имѣя въ виду то обстоятельство, что въ посланіи Никона, на которое отвѣчали указанные архинастири, рѣчь шла о томъ, кто поступаетъ правильное, — тѣ ли, кои крестятся тремя первыми перстами, или тѣ, кои крестятся двумя-указательнымъ и среднимъ, слагая въ то же время и три перста — большой и два послѣднихъ во образъ св. Троицы, справедливо думать, что подъ «подражателями арменовъ» разумѣлись лица, крестившіеся старообрядческимъ перстосложеніемъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ слѣдующій фактъ. Когда Никонъ, въ день памяти св. Мелетія, патріарха Антіохійскаго, спросилъ присутствовавшего въ Чудовѣ монастырѣ на заутрени Макарія, патріарха Антіохійскаго, какъ понимать сказаніе пролога о томъ, что Мелетій сначала показалъ народу три перста, и не было знаменія, затѣмъ сложилъ два и къ нимъ пригнулъ одинъ, и отъ руки его провозшелъ огонь, — Макарій, сказавъ, что Мелетій сначала показалъ «три первыя персты разлучены другъ отъ друга», а потомъ тѣже три перста соединилъ, прибавилъ: «и аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковый

арменоподражателъ есть, арменове бо тако воображаютъ на себѣ крестъ»¹⁾. Затѣмъ взглядъ на двуперстіе, какъ армянскій обычай, былъ повторенъ въ соборномъ свиткѣ собора 1667 года, на которомъ присутствовалъ тотъ же Макарій патріархъ Антіохійскій²⁾. Писатели Жезла (л. 60), Увѣта (л. 103—об., 105 об. и 106) и другихъ полемическихъ книгъ³⁾, высказывая тотъ же взглядъ на старообрядческое перстосложеніе, очевидно, только повторяли то, что было сказано прежде ихъ, — съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что тогда какъ Макарій патріархъ Антіохійскій и соборъ 1667 года обычай креститься двумя перстами — указательнымъ и среднимъ только называли обычаемъ армянскимъ (по вѣншему виду), — въ Жезлѣ и Увѣтѣ указывается и причина, почему армяне крестятся двумя перстами, слагая при этомъ и три перста: первый, четвертый и пятый: «да покажутъ неравенство лицъ божественныхъ чрезъ неравенство перстовъ». Это не значить, впрочемъ, чтобы авторы указанныхъ полемическихъ книгъ приписывали нашимъ предкамъ, крестившимся двумя перстами, какое либо неправое мудрованіе, — напротивъ, они потому и убѣждали всѣхъ принять троеперстіе, что, считая двуперстіе армянскимъ обычаемъ, не хотѣли, чтобы наши двуперстники, правильно исповѣдующіе св. Троицу, слѣдовали въ этомъ обрядѣ еретикамъ армянамъ, употреблявшимъ двуперстіе будто бы для выраженія неправославной мысли. Сказавъ, что армяне слагаютъ при совершеніи крестнаго знаменія первый, четвертый и пятый персты, «да покажутъ неравенство лицъ божественныхъ чрезъ неравенство перстовъ», авторы Жезла и Увѣта продолжаютъ: «убо намъ (т. е. русскимъ, не исключая и раскольниковъ, противъ которыхъ главнымъ образомъ и направлены указан-

¹⁾ См. обо всемъ этомъ въ Скрижали, издавннй Пякономъ; енес. истор. русск. раск. стр. 154—155.

²⁾ Дополн. къ историч. акт. т. V, стр. 472, § 22.

³⁾ Двуперстіе трактуется армянскимъ обычаемъ и въ Посланіяхъ Игнатія, митрополита Тобольскаго и даже въ «Розыскѣ» св. Димитрія Ростовскаго (ч. 2, стр. 490, ч. 3, стр. 571 изд. 1847 г.)

ныя книги), незнающимъ въ божественныхъ лицахъ неравенства, но весьма равенство исповѣдующимъ, неподобасть лестному ихъ воображенію сообщатся, паче же противнѣ равными персты первыми равенство Отца и Сына и Святаго Духа изображающе исповѣдати». Послѣ всего сказаннаго очевидно, что взглядъ на двуперстіе, какъ армянскій обычай, явившійся у насъ еще въ патриаршество Никона, образовался не самостоятельно, а былъ подсказанъ намъ греками, — въ частности Антиохійскимъ патриархомъ Макаріемъ. Справедливъ-ли такой взглядъ? Не отвѣчая на этотъ вопросъ прямо, мы укажемъ нѣкоторыя данныя, которыя могутъ служить къ разъясненію его.

По нашему мнѣнію, трудно предположить, чтобы патриархъ Макарій, называя двуперстіе армянскимъ обычаемъ, дѣйствовалъ не по убѣжденію, а съ какою либо предвзятою мыслию, напр. въ угоду Никону, желавшему ввести троеперстіе на мѣсто двуперстія. Думать такъ не позволяютъ слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ, въ то время, когда высказанъ былъ Макаріемъ взглядъ на двуперстіе, какъ армянскій обычай, у насъ въ Москвѣ не мало было армянъ, и Макарію, а тѣмъ больше Никону, по его собственнымъ словамъ, «подвигну» Макарія разъяснить смѣсль сказанія о Мелетіи, нельзя было не знать этого. А если такъ, то очевидно, что Макарій не могъ въ слухъ всего, бывшаго въ церкви, народа русскаго неправильно назвать двуперстіе армянскимъ обычаемъ, не рискуя быть немедленно обличеннымъ въ неправдѣ. Между тѣмъ такого обличенія со стороны московскихъ двуперстниковъ не только не было, но, какъ показываютъ памятники, многіе изъ нихъ въ заявленіи восточныхъ святителей о томъ, что кто крестится не тремя первыми перстами, а двумя, тотъ — «подражатель армяновъ», видѣли «истинны извѣщеніе» и потому оставляли двуперстіе и принимали троеперстіе, убѣждая къ тому же и другихъ ¹⁾). Во вторыхъ: если предположить,

¹⁾ Прав. Собес. 1838 г. ч. 2, стр. 593; смес. Опис. рукоп. Синод. библ. 11, 3, стр. 524).

что двуперстію было придано значеніе армянскаго обычая съ тою цѣлію, чтобы этимъ лишить его того уваженія, какимъ оно пользовалось въ народѣ русскомъ, то не лучше ли было Макарію поступить такъ, какъ поступилъ въ свое время Стоглавъ, т. е. назвать его обычаемъ не армянскимъ, а латинскимъ, — не потому только, что предубѣжденіе нашихъ предковъ противъ латинъ и всего латинскаго было гораздо сильнѣе антипатій ихъ къ армянамъ и всему армянскому, но и потому особенно, что для такой постановки вопроса было больше основаній въ тѣхъ самыхъ книгахъ, на которыя ссылались въ свою защиту ревнители двуперстія. «Единовольники и яковиты», т. е. монофизиты, а слѣдовательно и армяне, которыхъ подоврѣвали у насъ въ монофизитствѣ, крестятся, по сказанію нашихъ древнихъ книгъ, однимъ перстомъ ¹⁾, между тѣмъ какъ, по сказанію тѣхъ же книгъ, латинины начертывали крестъ «двѣма перстома» ²⁾, а благословляли «странно нѣкако пятьми персты» ³⁾. Если же Макарій, не смотря на все это, назвалъ двуперстіе не латинскимъ обычаемъ, какъ впоследствии и стали называть его нѣкоторые ⁴⁾, на основаніи указанныхъ данныхъ, по армянскимъ, — необходимо допустить, что онъ руководился въ этомъ случаѣ не системой приспособленія, а одной исторической правдой. Такъ дѣйствительно и смотрѣли на дѣло даже тѣ изъ современниковъ Никона, державшихся двуперстія, которые знали помѣщное въ Кирилловой книгѣ преніе Папагіота съ Азимитомъ, въ которомъ первый обличалъ послѣдняго за двуперстіе. ⁵⁾ Въ третьихъ, по свидѣтельству Игнатія, митрополита тобольскаго, патріархъ Никонъ, когда патріархъ антиохійскій и другіе восточные іерархи впервые за-

¹⁾ Иноч. потреби. 1639 г. л. 25б, сн. л. 323. об.

²⁾ Тамъ же, л. 258, сн. кн. Кирилл. 23.

³⁾ Петр. л. 255.

⁴⁾ Ирац. Питирим. отв. 30; Облпч. Θεοφ. гл. I, рассужд. 9, свид. 4. л. 25—26.

⁵⁾ «Прав. Собес.», 1868 г. ч. 2. стр. 592.

мѣтили ему, что употребляемое имъ двуперстіе есть преданіе армянское, а у грековъ крестятся тремя первыми перстами, «зѣльнѣ оскорбился» и не повѣрилъ на-слово восточнымъ гостямъ, но велѣлъ привести къ себѣ изъ гостиннаго ряда вупцовъ, «армянскаго рода», прибывшихъ въ Москву изъ Астрахани и Казани, подробно спрашивалъ ихъ, какъ они слагають персты и крестъ на себѣ полагають, и только тогда убѣдился въ справедливости словъ Макарія и другихъ, когда допрашиваемые армяне «явишася крестящася двоеперстію, но во обвожденіи руки прежде на лѣвое, потомъ на десное рамо полагаху», а о грекахъ сказали, что они «тремя первыми персты крестятся» ¹⁾.

Имѣя въ виду все сказанное, нельзя не придти къ заключенію, что Макарій, патріархъ аргіохійскій, а за нимъ и другіе, называя двуперстіе армянскимъ обычаемъ, дѣйствовали искренно, хотя, быть можетъ, и ошибочно. Но ошибочно-ли? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ уважемъ слѣдующія данныя.

Что въ древности ²⁾ армяне крестились однимъ перстомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но мы не можемъ повѣрить на-слово тѣмъ, кои утверждаютъ, будто бы армяне, какъ придерживающіеся ереси монофизитской, употребляютъ для крестнаго знаменія одноперстіе и до настоящаго времени и будто бы двуперстіе у армянъ не только «никогда не употреблялось», но даже «въ обличеніе ихъ ереси монофизитской было изобрѣтено на Востокѣ и явилось у насъ» ³⁾. Есть писа-

¹⁾ III посл. гл. 18—20; «Правосл. Собесѣд.» 1855 г. кн. 2, стр. 102—105.

²⁾ Заслуживаетъ вниманія при этомъ и то обстоятельство, что назр. патріархъ Іоакимъ, не разъ утверждая въ Увѣтѣ, что двуперстіе есть армянскій обычай, постоянно въ подтвержденіе своихъ словъ прибавлялъ: „и сего сами армяне и благочестивые люди, иже въ ихъ странахъ были, суть свидѣтели“ (л. 103 об.), или: „п о семъ всякъ православный да вопросятъ ради истиннаго свидѣтельства самѣхъ армянъ и тѣхъ, кои отъ православныхъ нашихъ російскихъ людей тамо въ ихъ странахъ бывають. И вси вамъ имуть рещи, яко тако дѣла персты армяне, якоже и раскольникъ крестятся“ (л. 106).

³⁾ Излож. вѣр. церкв. армянск. г. Троицкаго, стр. 213; снес. «Правосл. Собесѣд.» 1863 г. ч. I, стр. 135.

⁴⁾ «Гражданинъ», 1874 г. № 15, стр. 426; снес. стр. 428.

тели, которые прямо говорятъ, что нынѣ армяне (по крайней мѣрѣ григоріанцы) крестятся тремя перстами ¹⁾; другіе же утверждаютъ, что въ настоящее время нѣкоторые армяне употребляютъ для крестнаго знаменія и двуперстіе. Не говоря о свидѣтельствѣ объ этомъ ученаго грека преосвященнаго Нисифора Θεотокія ²⁾, которое ными, пожалуй, можетъ быть заподозрѣно въ тенденціозности, мы укажемъ въ этомъ случаѣ на свидѣтельство такого лица, для котораго вопросъ о двуперстіи, какъ армянскомъ обычаѣ, совершенно безразличенъ и отъ котораго поэтому можно ожидать полного безпристрастія. Въ 1869 году инокъ Варнава, безноповецъ поморскаго толка, путешествовалъ на Востокъ и былъ, между прочимъ, въ Александріи, гдѣ велъ бесѣду съ Пелусійскимъ митрополитомъ Амфилохіемъ ³⁾. Митрополитъ этотъ, откровенно сознавшійся въ томъ, что онъ ни соборнаго дѣянія собора 1667 года, ни Розыска, Пращицы и другихъ полемическихъ противъ раскола книгъ не видалъ и не читалъ, говорилъ Варнавѣ, между прочимъ, что какъ въ древности крестились и тремя и двумя перстами, такъ и нынѣ можно употреблять для крестнаго знаменія и троеперстіе и двуперстіе, и при этомъ совершенно случайно сослался на примѣръ армянъ, замѣтивъ, что «одна половина ихъ молится двуперстнымъ сложениемъ, а другая триперстнымъ, именно: отъ іерусалима до Царяграда — тремя персты, а въ Арменіи и прочихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Персіи, двумя персты» ⁴⁾. Отъ кого могли заимствовать нѣкоторые армяне обычай креститься двумя перстами, — отъ латинъ-ли, у которыхъ двуперстіе съ XVI вѣка стало употребляться паравнѣ съ троеперстіемъ и пятиперстіемъ ⁵⁾, какъ думаютъ нѣкоторые ⁶⁾,

¹⁾ «Духовн. Бесѣда», 1858 г. т. IV, 351.

²⁾ См. его отв. на 15 вопр. старообр. стр. 335.

³⁾ Объ инокѣ Варнавѣ и его путешествіи на Востокъ см. въ «Соврем. Лѣтоп.» 1871 г. №№ 4 и 11.

⁴⁾ Ист. журн. кн. XIV, л. 41 об. и 42.

⁵⁾ «Правосл. Собесѣдн.» 1863 г. кн. 1, стр. 112—113.

⁶⁾ О Феодор. сл. стр. 167.

отъ несторіанъ-ли, которые, какъ свидѣтельствуяютъ памятники ¹⁾, крестились двумя перстами еще въ IX вѣкѣ и съ которыми армяне перѣдко входили въ сношенія по дѣламъ вѣры, — или, наконецъ, отъ православныхъ сирійцевъ, которые также, какъ и несторіане, не только въ IX вѣкѣ, но и послѣ, употребляли для крестнаго знаменія два перста ²⁾, для насъ этотъ вопросъ не важенъ; для насъ важно въ данномъ случаѣ переданное добросовѣстнымъ старообрядцемъ ³⁾ свидѣтельство современнаго намъ грека о томъ, что въ настоящее время нѣкоторые армяне крестятся двумя перстами. Если же нѣкоторые изъ армянъ употребляютъ для крестнаго знаменія двуперстіе нынѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что они крестились двумя перстами не только въ прошломъ столѣтіи, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ ученый грекъ Никифоръ Θεοτοκίη, но и въ XVIII вѣкѣ, какъ утверждалъ это въ 1656 году антиохійскій патріархъ Макарій, которому, какъ патріарху той страны, въ которой издревле употреблялось двуперстіе не только православными, но и еретиками, трудно было не знать, у кого въ его время оставалось въ употребленіи это перстосложеніе. Все это мы говоримъ не для того, чтобы закрѣпить за употребляемымъ старообрядцами перстосложеніемъ названіе армянскаго обычая, тѣмъ болѣе — армянской ереси, — мы знаемъ, что было время, когда и православные на Востокѣ крестились двумя перстами, и наши предки могли отъ нихъ заимствовать этотъ обычай, — въ этомъ случаѣ мы вполне раздѣляемъ взглядъ редакціи «Братскаго Слова», которая говоритъ, что въ настоящее время въ изслѣдованіяхъ объ обрядовыхъ различіяхъ между расколомъ и православіемъ не должно быть и вопроса о православіи, или неправославіи того или другаго обряда самого въ себѣ, а только можно развѣ допустить вопросъ объ относительномъ ихъ

¹⁾ Asseman. biblioth. orient. t. III, pars. 2, pag. 388.

²⁾ «Братск. Сл.» кн. I, отд. II, стр. 43—44.

³⁾ Инокъ Варнава вскорѣ по возвращеніи съ Востока присоединился къ сл. церкви.

достоинствѣ, — о томъ, который изъ нихъ съ бѣльшимъ удобствомъ и полнотою выражаетъ извѣстную, съ нимъ соединяемую, догматическую мысль (Отд. II, стр. 147), — но для того, чтобы показать, что мнѣніе, будто бы двуперстіе никогда не употреблялось у армянъ и что слѣдовательно восточные іерархи и за ними Московскій соборъ 1667 года, называя его армянскимъ обычаемъ, говорили если не сознательную, такъ по крайней мѣрѣ неамѣренную неправду, — мнѣніе, съ которымъ тѣсно связано другое, будто бы соборное дѣяніе па еретика Мартина появилось на свѣтъ именно вслѣдствіе желанія подтвердить неправильный взглядъ собора 1667 года на двуперстіе, какъ армянскій, еретическій обычай ¹⁾, не легко признать вполне ословательнымъ.

Минуя «слѣтонисъ происходящихъ въ расколѣ событій», въ которой, однакоже, есть не мало весьма любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ вопросахъ, волнующихъ современный намъ расколъ, переходимъ къ третьей книжкѣ «Братскаго Слова».

Эта книжка новаго журнала не такъ разнообразна по своему составу и, по нашему мнѣнію, не такъ интересна даже по своему содержанію, какъ предъидущая. Въ первомъ отдѣлѣ ея напечатано «Сказаніе іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни, объ обращеніи раскольниковъ заволжскихъ», представляющее матеріалъ для исторіи раскола въ началѣ XVIII столѣтія. Въ предисловіи къ этому сочиненію, редакція, желая показать его важность и значеніе, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «доселѣ ничего не было извѣстно ни о самомъ этомъ сочиненіи, ни о трудахъ его автора въ дѣлѣ просвѣщенія именуемыхъ старообрядцовъ, равно какъ о другихъ лицахъ и событіяхъ изъ исторіи раскола первой четверти XVIII столѣтія, свѣдѣнія о которыхъ содержатся въ сочиненіи. Оно имѣетъ такимъ образомъ прежде всего интересъ новости».

Прежде всего мы позволяемъ себѣ дать совѣтъ редакціи —

¹⁾ «Гражданинъ», 1874 г. № 13—14, стр. 389.

избѣгать на будущее время подобныхъ рекомендацій... По нашему мнѣнію, оцѣ, во 1-хъ, излишни: изданіе непечатанныхъ доселѣ памятниковъ какъ православнаго, такъ и раскольническаго происхожденія, дѣло само по себѣ до такой степени важное, — а печатаемые «Братскимъ Словомъ» документы такъ интересны по своему содержанію, — что все, похожее на рекламу, положительно не къ лицу почтенной редакціи; во 2-хъ, безцѣльны: для тѣхъ изъ читателей, кто мало знакомъ съ расколомъ, его исторіею и вѣроученіемъ, — всякій напечатанный документъ будетъ новъ и интересенъ; тѣже, кто знаетъ дѣло, сами поймутъ и оцѣнятъ его значеніе и важность, какъ объ этомъ справедливо замѣчаетъ и сама редакція (стр. 360); въ 3-хъ, даже не безопасны; какъ бы ни была проиницирована редакція «духомъ справедливости и безпристрастія» (см. объявл. объ изданіи «Братскаго Слова» стр. 4), — она можетъ, незамѣтно для себя, увлечься научнымъ значеніемъ и другими достоинствами того, или другаго издаваемого памятника и сказать объ немъ больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, какъ, къ сожалѣнію, это и случилось въ настоящій разъ. По словамъ редакціи, доселѣ ничего не было извѣстно какъ о сочиненіи іеросхимонаха Іоанна и его трудахъ въ дѣлѣ просвѣщенія старообрядцовъ, такъ равно и о другихъ лицахъ и событіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ содержатся въ немъ. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что съ подробнымъ изложеніемъ содержанія труда основателя Саровской пустыни еще въ прошломъ году ознакомилъ насъ г. Сахаровъ ¹⁾, о чемъ говорить въ примѣчаніи и сама редакція, большая часть лицъ, о которыхъ говорится въ разсматриваемомъ сочиненіи іеросхимонаха Іоанна, — давніе знакомые всякому, кто хотя не много знакомъ съ исторіею раскола и слѣдитъ за выходящими въ свѣтъ сочиненіями по этому предмету. Такъ напр. на стр. 530—550 іеросхимонахъ Іоаннъ ведетъ пространную рѣчь о Штиримѣ, строительѣ Переславскаго Никольскаго монастыря

¹⁾ «Прав. Обзор.» 1874 г. № 11 и 12.

(стр. 530), которому былъ данъ указъ государевъ и благословеніе архіерейское—«раскольниковъ ко обращенію приводить» (стр. 532). Неужели и объ этомъ «равноапостольномъ», какъ впоследствии величалъ его Петръ Великій, доселѣ намъ ничего не было извѣстно? Другое лицо, объ обращеніи котораго въ сочиненіи іеросхимонаха Іоанна идетъ довольно длинная рѣчь (стр. 526—530),—«Теодоръ Ярославля града посадскій человекъ», бывшій «у раскольниковъ, яко главнѣйшій и первый», совратившій въ расколъ не только отца своего и мать и братію, но и «иныхъ многихъ», и затѣмъ, по обращеніи къ церкви, «постригшійся у строителя Питирима въ Переславлѣ» (стр. 550), подъ именемъ Филарета ¹⁾). И объ этомъ человекѣ мы имѣемъ уже не мало свѣдѣній. Такъ напр. давно уже извѣстно, что этотъ Филаретъ въ званіи беларя Успенскаго монастыря былъ у Питирима судіею по дѣламъ раскольническимъ и что Питиримъ очень дорожилъ этимъ помощникомъ своимъ,—такъ, что, когда Св. Синодъ 21-го іюля 1721 года постановилъ: «къ случающимся съ противными святѣй церкви раскольники, во всероссійскомъ народѣ умножившимися и во Святѣйшій Правительствующій Синодъ присылаемыми, диспутамъ и къ надлежащему оныхъ обличенію и довольному противностей ихъ доказательству взять въ С.-Петербургхъ изъ нижегородской епархіи обратившагося отъ такой раскольнической противности ко святой церкви, Николаевского, что въ Переславлѣ Залѣскомъ, монастыря постриженника іеромонаха Филарета, который обрѣтается у преосвященнаго Питирима, епископа Нижегородскаго, при оныхъ раскольничихъ дѣлахъ, и быть ему при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ неотлучно» ²⁾). Питиримъ просилъ Синодъ оставить ему Филарета, какъ человека весьма полезнаго и нужнаго, и рекомендовалъ Синоду вмѣсто Филарета іеромонаха Псофпта, на что Синодъ и согласился ³⁾). Даже

¹⁾ Свес. истор. Нижегород. іер. стр. 86.

²⁾ Полн. собр. пост. и распор. по вѣд. правосл. испов. т. I, № 131, стр. 153.

³⁾ Опис. докум. и тѣл. хранящ. въ арх. Св. Синод. т. I, стр. 473.

«именитый раскольникъ монахъ Іона», учитель не менѣе «именитаго» ученика монаха Филарета (стр. 371, 421—428, 545—549), рассказъ объ обращеніи котораго къ церкви занимаетъ большую часть сочиненія іеросхимонаха Іоанна, — не незнакомая намъ личность. Это, кажется, тотъ старецъ Іона, который «по разговорамъ» показался извѣстному въ расколѣ діакону Александру лучше слѣпаго Каріюка ¹⁾, у котораго въ скиту Александръ прожилъ около года, гдѣ и научился «подлинно» расколу, — который въ 1717 году вмѣстѣ съ другими скитскими отцами призналъ неправыми и отрекся отъ извѣстныхъ писемъ протопопа Аввакума о св. Троицѣ и о воплощеніи Христовомъ ²⁾, которому вмѣстѣ съ другими старцами писалъ посланіе знаменитый вѣтковскій попъ Θεодосій ³⁾, который никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы керженскіе раскольники діаконова согласія добровольно признали предъ пресвященнымъ Питиримомъ неправыми свои отвѣты на его вопросы, котораго за это Петръ Великій велѣлъ «пытать до обращенія, или до смерти», и который послѣ шесть разъ возобновлявшихся пытокъ, во время которыхъ дано было ему 156 ударовъ, дѣйствительно обратился къ церкви и былъ помещенъ въ здѣшнемъ Александро-Невскомъ монастырѣ ⁴⁾. Наконецъ, сообщаемая основателемъ Саровской пустыни извѣстія о томъ, что нѣкоторые изъ «заводскихъ» раскольниковъ держались еретическихъ мнѣній Аввакума о св. Троицѣ, называя «безумное» ученіе его объ этомъ предметѣ «вѣчнымъ евангеліемъ» (стр. 370—371), что въ то время, когда іеросхимонахъ Іоаннъ писалъ свое сочиненіе (1700 — 1705), у раскольниковъ существовало мнѣніе о пребываніи въ неизвѣстныхъ странахъ православныхъ — съ раскольнической точки зрѣнія архіереевъ (стр. 464), что въ началѣ XVIII столѣтія поповцы уже оставили прежде существовавшій въ рас-

¹⁾ Есип. раск. дѣл. т. I, стр. 635—636.

²⁾ Іоаннов. ч. III, стр. 208—209, изд. 1799.

³⁾ Тамъ же, ч. IV, стр. 272.

⁴⁾ Есипов. раск. дѣл. т. 2, стр. 269—273.

колѣ обычай—всякаго православнаго, переходящаго въ расколъ, принимать, какъ еретика перваго чина, т. е. чрезъ перекрещиваніе, и самихъ поновъ, оставявшихъ церковь и убѣгавшихъ въ расколъ, принимали уже только третьимъ чиномъ, — чрезъ проклятiе ересей (стр. 370, 442 и 444), и проч.,—доселѣ развѣ составляли для кого либо новость? Все это мы говоримъ не для того, чтобы отнять у напечатаннаго въ третьей книжкѣ «Братскаго Слова» сочиненія іеросхимонаха Іоанна всякій интересъ новости, -- но для того, чтобы показать, что въ сужденіи объ этомъ предметѣ редакціи замѣтно не мало преувеличенія, — весьма легко объясняемаго, но тѣмъ не менѣе крайне нежелательнаго...

Точно также мы находимъ нечуждымъ преувеличенія и отзывъ редакціи о характерѣ миссіонерской дѣятельности іеросхимонаха Іоанна и его сочиненія. «Всѣ сношенія іеросхимонаха Іоанна съ старообрядцами, говоритъ редакція, и особенно его бесѣды съ ними запечатлѣны христіанскою любовью и кроткою снисходительностію къ заблуждающимъ,— качествами, рѣдкими особенно въ его время между извѣстными намъ дѣятелями противъ раскола. И онъ самъ и его сочиненіе представляютъ въ этомъ отношеніи, можно сказать, исключительное и въ высшей степени отрадное явленіе въ православной полемикѣ противъ раскола XVII и первой половины XVIII столѣтія» (стр. 361). Мы не споримъ, что тѣ высокія качества, которыя видитъ редакція въ іеросхимонахѣ Іоаннѣ и его сочиненіи, были рѣдкими въ его время между дѣятелями противъ раскола и не часто встрѣчались въ ихъ полемическихъ трудахъ, но мы затрудняемся признать основателя Саровской пустыни и его сочиненіе исключительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ. Онъ самъ сознается, что говорилъ съ раскольниками «ово ласканіемъ, ово прещеніемъ» (стр. 380). «Прещеніе» это состояло не въ томъ только, что іеросхимонахъ Іоаннъ называлъ старообрядцовъ «людьми безумными» (стр. 368), прельщонными діаволомъ (стр. 369, 379, 391, 401), помрачонными «тьмою расколюбѣсія» (стр. 372), свя-

заными прелестію раскольства (стр. 548), объатыми діавольскою злобою (стр. 380), глухими и простыми мужиками (стр. 486), неукми и простяками (стр. 487), неспособными разсуждать о вѣрїи, но и въ томъ, что, слыша хулы раскольниковъ на святую церковь, онъ и самъ начиналъ «взائمъ ихъ о прелести и о хулѣ поношати, и яко богохульцевъ и враговъ истинныхъ страхомъ и жестокими словесы имъ претити и всячески о прелести ихъ обличати» (стр. 481). Подобное отношеніе къ заблуждающимъ основателя Саровской пустыни показываетъ, что и онъ былъ сынъ своего вѣка... А то обстоятельство, что іеросхимонахъ Іоаннъ въ своихъ сношеніяхъ съ раскольниками иногда допускалъ «коварство и лесть» (стр. 422), — хотя бы и съ доброю цѣлю — «ради обращенія ихъ», даетъ намъ право сказать, что рекомендовать дѣятельность его, какъ «замѣчательный и вмѣстѣ поучительный примѣръ того, какъ нужно дѣйствовать проповѣдникамъ истины среди зараженныхъ расколомъ», какъ дѣлаетъ это редакція (стр. 361), значитъ — забывать, что цѣль не оправдываетъ средствъ.

Что же касается дѣйствительнаго научнаго значенія разсматриваемаго нами историческаго памятника, то нельзя не сознаться, что въ немъ есть немало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній какъ о расколѣ вообще, такъ въ частности о мисіонерской дѣятельности среди раскольниковъ основателя Саровской пустыни. Такъ напр. мы узнаемъ теперь, что полемическія противъ раскола книги: Жезль и Увѣтъ — въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, служили для проповѣдниковъ православнои истины немалымъ пособіемъ при собесѣдованіяхъ ихъ съ раскольниками (стр. 479); іеросхимонахъ Іоаннъ въ своихъ бесѣдахъ съ старообрядцами всѣ почти доказательства противъ главныхъ раскольническихъ мнѣній (о просфорахъ, о четвероконечномъ крестѣ, о сугубой аллилуіа и о крестномъ знаменіи) заимствовали изъ указанныхъ сочиненій и — не безъ успѣха. Точно также мы видимъ изъ сочиненія о. Іоанна, что клятвы собора 1667 года, противъ которыхъ такъ

много говорятъ иныѣ и раскольники и даже не раскольники, производили въ свое время благопріятное для православія впечатлѣніе на старообрядцовъ. Такъ, когда іеросхимонахъ Іоаннъ замѣтилъ «именитому» ученику раскольника Іоны Филарету, что онъ находится подъ клятвою собора 1667 г. и если не обратится къ церкви, то погибнетъ, — Филареть, «слышавъ сія зѣло ужасесе и рече: что сотворимъ, аще истинно, яко клятва архіерейская на насъ пребываетъ, и въ правду уже, по твоему изреченію, и воистинну вѣчно погибнемъ и уже погибохомъ» (стр. 442 — 443). Еще интереснѣе извѣстіе о томъ, что когда Филареть высказалъ іеросхимонаху Іоанну желаніе имѣть церковь, въ которой служба управлялась бы по старопечатнымъ книгамъ, послѣдній отвѣчалъ: «аще обратитесь съ покаяніемъ и въ познаніе придете, тогда и церковь у васъ будетъ, такожде и старопечатнымъ книгамъ можно же быти: понеже бо и въ старопечатныхъ книгахъ чтó и въ новонарѣчныхъ напечатано, и пѣсть порочны старыя книги, но паче и похвальны, кромѣ что отъ неискуства въ нихъ введенныхъ нарѣчій и пословиць отъ переводчиковъ и переписчиковъ». А затѣмъ, когда Филареть рѣшился ходить въ церковь, іеросхимонахъ Іоаннъ дозволилъ ему стоять на клиросѣ и читать часы и пѣть литургію «по обычности своей по старонарѣчію» (стр. 494—498). «Итакъ, справедливо замѣчаетъ редакція по поводу этого факта, мысль о единовѣрїи мы встрѣчамъ очень рано, — еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, — и притомъ у старообрядца, какъ его самостоятельную мысль; тогда же она частнымъ образомъ приводится и въ исполненіе. Ясно такимъ образомъ, что единовѣрїе не есть изобрѣтеніе митрополита Платона, придуманное съ цѣлію завлекать старообрядцовъ въ церковь, какъ несправедливо увѣряютъ раскольническіе писатели и проповѣдники. Достойно замѣчанія и то, что іеросхимонахъ Іоаннъ, близко извѣстный митрополиту Стефану и другимъ властямъ, ничтоже сумняся и безъ всякихъ опасеній дозволяетъ Филарету употреблять за службою въ православной церкви и старыя

вниги и именуемые старше обряды, — двуперстие, сугубое аллилуія и проч. Ясно, что употребленіе этихъ обрядовъ въ дѣйствительности не было подѣ такимъ строгимъ запретомъ, какъ можно полагать на основаніи нѣкоторыхъ официальныхъ документовъ и какъ нынѣ стараются увѣрять нѣкоторые» (стр. 363—364).

Есть въ сочиненіи іеросхимонаха Іоанна не мало и другихъ свѣдѣній о расколѣ хотя и не новыхъ, но тѣмъ не менѣе весьма интересныхъ. Такъ напр. изъ него видно, что поповцы въ началѣ прошлаго столѣтія еще не отрѣшились совершенно отъ безпоповщинскихъ воззрѣній на церковь православную, какъ царство антихриста, и на нѣкоторые обряды православія, какъ на печать антихристову (стр. 377—378), что они не чужды были даже мысли о самосожигательствѣ (стр. 544—545), что строгія мѣры противъ старообрядцовъ только препятствовали имъ обращаться къ «православнымъ іереомъ, или какимъ либо инымъ людямъ отъ правотѣрныхъ, разговора ради» о вѣрѣ и для разъясненія истины (стр. 456), что нижегородская «яромонга» и въ началѣ XVIII столѣтія также, какъ и въ наши дни, снабжала старообрядцовъ «старопечатными» и другими, нужными имъ, книгами (стр. 420) и проч. Наконецъ, не можемъ не указать еще на одно свѣдѣніе, содержащееся въ разсматриваемомъ нами произведеніи о. Іоанна и имѣющее большую важность. Мы разумѣемъ сообщаемое имъ извѣстіе о томъ, что нѣкоторые поповцы его времени держались извѣстныхъ еретическихъ писемъ Аввакума о св. Троицѣ и о воплощеніи Христовомъ, называя ученіе, содержавшееся въ нихъ, «вѣчнымъ евангеліемъ». Извѣстно, что объ этихъ письмахъ первый упоминаетъ св. Димитрій Ростовскій въ своемъ Розыскѣ ¹⁾. Стыдись этихъ писемъ Аввакума, Денисовъ въ своемъ «Виноградѣ Россійскомъ» утверждаетъ, будто они подложны и именно будто «Димитрій Ростовскій неправедными напосенъми неистинная басносло-

¹⁾ Ч. I, гл. XVII—XIX и XXV.

вія спилъ на добляго, аки о Троицѣ и о смотрѣннїи неправѣ мудрствующа» ¹⁾). Несправедливость подозрѣній Денисова относительно подлинности писемъ Аввакума уже доказана была и не разъ ²⁾). Свидѣтельство іеросхимонаха Іоанна о томъ, что нѣкоторые раскольники его времени держались «писанія Аввакума, глаголавшаго въ безумномъ своемъ писанїи на св. Троицу злую хулу», и именно — раздѣлявшаго св. Троицу на три существа (стр. 370), служатъ новымъ и весьма сильнымъ подтвержденіемъ того, что св. Димитрій Ростовскій, обвиняя Аввакума въ еретическихъ мнѣніяхъ о св. Троицѣ, содержащихся въ его письмахъ, не «спивалъ на добляго неистинныхъ баснословій», а говорилъ правду. Сочиненіе іеросхимонаха Іоанна написано ранѣе «Розыска» святителя Димитрія.

Впрочемъ, какъ ни интересны свѣдѣнія, содержащіяся въ сочиненїи іеросхимонаха Іоанна, мы не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что издаіемъ его редакція вынуждена была «прервать» хотя бы только «на время печатаніе документовъ о первыхъ расколоучителяхъ», въ которыхъ (документахъ), какъ мы уже замѣчали, наука о расколѣ въ настоящее время особенно нуждается.

Во второмъ отдѣлѣ третьей книжки «Братскаго Слова» мы находимъ окончаніе статьи іеромонаха Филарета: «Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій», о которой уже была рѣчь, и другую статью того же трудолюбиваго автора, подъ названіемъ: «О просфорахъ на проскомидїи. Свидѣтельства древлеписменныхъ и древлепечатныхъ книгъ». Последняя статья, по замѣчанію редакціи, составляетъ отрывокъ изъ приготавлиаемаго о. Филаретомъ изслѣдованія: «Чинъ литургїи св. Златоуста по изложенію старопечатныхъ, новонсправленнаго и древлеписменныхъ служебниковъ», которое, очевидно, будетъ служить дополненіемъ къ изданному еще въ

¹⁾ Опис. раск. соч. ч. I, стр. 136.

²⁾ Ист. русск. раск. стр. 289, примѣч. 505; Опис. раск. соч. ч. II, стр. 38—43.

1860 году сочиненію игумена Варлаама, подъ заглавіемъ: «Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій: Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Двоеслова, указанныхъ въ поморскихъ отвѣтахъ и Мечѣ духовномъ». Такъ какъ вопросъ «о просфорахъ на проскомидіи» уже достаточно разработанъ въ полемической литературѣ противъ раскола, то, не входя въ подробный разборъ статьи о. Филарета, мы укажемъ только результаты, къ которымъ пришолъ въ своемъ изслѣдованіи достопочтенный авторъ. Относительно числа просфоръ о. Филаретъ говоритъ слѣдующее: «свидѣтельства древленисьменныхъ служебниковъ показываютъ, что а) извѣстное, строго опредѣленное число просфоръ на проскомидіи въ древнерусской церкви не считалось необходимымъ, или существенно важнымъ условіемъ для священнодѣйствія литургіи, такъ что въ наиболѣе древнихъ спискахъ служебника XII—XIV вв. не находится даже никакихъ указаній о количествѣ просфоръ; б) необходимою и существенно-важною для литургіи всегда признавалась собственно одна просфора, изъ которой готовится агнецъ: описаніе дѣйствія надъ этою просфорою находится во всѣхъ безъ исключенія древленисьменныхъ служебникахъ, и въ одномъ изъ древнѣйшихъ (XII в.) объ этой только просфорѣ и упомянуто; в) относительно же количества прочихъ просфоръ, предлагаемыхъ на проскомидіи, древнерусская церковь не считала необходимымъ соблюдать строгое единообразіе, но по разнымъ мѣстамъ и въ разное время были употребляемы для проскомидіи и три, и четыре, и пять, и шесть, и семь и даже восемь просфоръ; носему г) православная русская церковь при соборномъ исправленіи служебника, ради соблюденія во всемъ полнаго согласія съ православною восточною церковію, назначивъ предлагать на проскомидіи пять просфоръ, не только не допустила чрезъ сіе какого-либо отступленія отъ истины православія, не только не сдѣлала какого-либо существенно-важнаго измѣненія въ чинѣ литургіи, но не отступила и отъ обычая древнерусской церкви, такъ какъ употребленіе пяти просфоръ на проскомидіи

ди есть обычай не мѣтѣ древній, какъ и обычай предлагать три просфоры, шесть и семь». Относительно количества частицъ, вынимаемыхъ изъ третьей просфоры ¹⁾, о. Филаретъ утверждаетъ, что «не только древленисьменные и древлепечатные южно-русскаго изданія, но и уважаемые старообрядцами старопечатные московскіе служебники ясно свидѣлствуютъ, что изъ одной просфоры могутъ быть вынимаемы нѣсколько частицъ, и что, утверждая противное, старообрядцы становятся въ противорѣчіе съ тѣми самыми богослужебными книгами, отъ которыхъ и малѣйшее отступленіе считаютъ нарушеніемъ вѣры». Наконецъ, касательно печати на просфорахъ іеромонахъ Филаретъ пришолъ къ слѣдующему заключенію: «вопреки мнѣнію старообрядцовъ, утверждающихъ, что на просфорѣ непременно должна быть печать съ изображеніемъ осмиконечнаго креста, главою Адама и съ извѣстными надписями, и что замѣна сей печати другою, съ изображеніемъ четырехконечнаго креста, есть будто бы нарушеніе вѣры и отступленіе отъ святоотеческихъ уставовъ, древленисьменные и древлепечатные не Московскіе служебники свидѣлствуютъ, что въ древности безразлично употреблялись печати съ изображеніемъ и четырехконечнаго, и шестиконечнаго, и осмиконечнаго креста, а уважаемые старообрядцами патріаршіе служебники, очевидно не придавая особенной важности вопросу о печати на просфорахъ, не содержатъ положительнаго о печатахъ наставленія или правила, а по смыслу находящагося въ нихъ наставленія о дѣйствіи надъ агнцемъ можно съ несомнѣностію заключать, что и они требуютъ печати съ крестомъ четвероконечнымъ, каковая доселѣ употребляется въ церкви православнои».

Дѣлать подробный разборъ «записки игумена Павла о трехъ его бесѣдахъ съ беспоповскими наставниками, происходившихъ въ городѣ Рѣжицахъ 26—28 февраля 1875 года»,

¹⁾ Раскольники упрекаютъ церковь за то, что она установила вынимать изъ третьей просфоры всего одной девять частицъ.

запимающей бѣльшую часть III-го отдѣла третьей книжки «Братскаго Слова», а равно — «бесѣды его съ старообрядцами о клятвахъ собора 1667 года», помѣщенной въ томъ же отдѣлѣ, мы не намѣрены. Рѣжницкія бесѣды о игумена бѣльшею частію касаются тѣхъ же сторонъ церковно-религіозной жизни старообрядцовъ, на которыя о. Павель обращалъ главное вниманіе собесѣдниковъ своихъ и въ Ново-александровскихъ бесѣдахъ, напечатанныхъ во второй книжкѣ «Братскаго Слова»; даже въ изложеніи ихъ по мѣстамъ встрѣчается близкое сходство съ послѣдними, что впрочемъ и естественно, такъ какъ и въ Новоалександровскѣ и въ Рѣжницахъ о. Павель велъ рѣчь съ людьми однихъ и тѣхъ же убѣжденій — съ безпоповскими наставниками. Что же касается бесѣды о. Павла о клятвахъ собора 1667 года, то въ ней о. игумень излагаетъ — только съ бѣльшею обстоятельностью — тотъ же взглядъ на смыслъ и значеніе этихъ клятвъ, какой уже не разъ былъ высказанъ имъ и прежде ¹⁾ и который состоитъ въ томъ, что «соборъ 1667 года положилъ клятву только на отдѣлившисься отъ церкви и на хулителей ея обрядовъ» (стр. 246).

Въ «лѣтописи происходящихъ въ расколѣ событій», которою заканчивается третья книжка «Братскаго Слова», мы находимъ не мало весьма интересныхъ свѣдѣній о заграничныхъ раскольническихъ изданіяхъ, объ Антоніи Шутовѣ (глаголомъ архіепископѣ московскомъ) и его отношеніяхъ къ заграничной раскольнической іерархіи, о современномъ состояніи раскола на Дону, о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ противъ раскола изъ среды бывшихъ старообрядцовъ и проч. Предоставляя самимъ читателямъ познакомиться съ этими любопытными свѣдѣніями, мы обратимъ вниманіе только на слѣдующія бѣлье, чѣмъ курьезныя, извѣстія. По словамъ новочеркасскаго корреспондента «Братскаго слова», Антоній московскій нерѣдко присылаетъ донскимъ старообрядцамъ посланія, составляемая главнымъ его споспѣшникомъ Онисимомъ Шведовымъ,

¹⁾ См. Воспом. и бес. стр. 290—299; «Соврем. Лѣтоп.» 1870 г. № 33.

и въ изобиліи снабжаетъ ихъ книгами для защиты раскола, какъ напр. прислалъ въ довольномъ количествѣ экземпляровъ извѣстныя рѣчи г. Филиппова (о нуждахъ единовѣрія) и изданный заграницей сборникъ о перестосложеніи» (стр. 262). Еще интереснѣе слѣдующее извѣстіе, сообщаемое «Братскимъ Словомъ». Тотъ же Швецовъ, при помощи инока Николы, издалъ заграницей въ концѣ прошлаго года соборное дѣяніе 1667 года съ предисловіемъ и подстрочными замѣчаніями. Въ предисловіи Швецовъ, доказывая, что названіе «раскольникъ» по справедливости должно принадлежать не старообрядцамъ, а православнымъ, въ то же время сообщаетъ своимъ читателямъ о существующей будто бы въ высшихъ правительственныхъ сферахъ готовности подчиниться этому приговору, дѣйствительно признать православныхъ раскольниками, сознать свою вину предъ старообрядцами, принести повинную и такимъ образомъ «водворить боголюбезный миръ въ христіанствѣ». По «свѣдѣніямъ» Швецова, все это могло бы и исполниться легко, если бы только не дѣлали препятствія нѣкоторые люди. «О, всемогущій Боже! — восклицаетъ онъ, — водвори его (т. е, этотъ миръ, непремѣннымъ условіемъ котораго поставляется признаніе православныхъ за раскольниковъ и ихъ смиренное покаяніе предъ дѣйствительными раскольниками), водвори его въ любезномъ нашемъ отечествѣ. О, какъ бы я этого желалъ!!! О чемъ уже идутъ переговоры, какъ я имѣю свѣдѣніе, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича, въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ С.-Петербургѣ. Но не вѣрится, потому что только одинъ рѣшился говорить правду г-нъ Тертіиъ Ивановичъ Филипповъ, а противъ его выступили 4 противника: Н. Нильскій, о. Юсифъ, Чельцовъ и Чистовичъ» (стр. 255—256).

Такимъ образомъ вопросъ «о нуждахъ единовѣрія», поднятій два года тому назадъ въ С.-Петербургскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія и возбудившій между членами его такія жаркія и продолжительныя пренія,

не перестаетъ, какъ видно, и доселѣ занимать тѣхъ, кого онъ такъ, или иначе касается. Имѣя въ виду это обстоятельство, а равно и то, что пренія по этому вопросу теперь судятся отъ устъ самихъ раскольниковъ и при томъ — печатно, мы рѣшаемся съ своей стороны познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ полученныхъ нами и по причинамъ, всякому понятнымъ, доселѣ не напечатанныхъ корреспонденцій, въ которыхъ авторы ихъ, — лица самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, — то высказываютъ свой взглядъ на вопросъ: «о нуждахъ единовѣрія», то произносятъ судъ о самыхъ преніяхъ по поводу его, то наконецъ описываютъ впечатлѣніе, какое пренія эти произвели на раскольниковъ. «Раскольники, пишетъ намъ одинъ преосвященный, теперь уже почти и не спорятъ ни объ аллилуіа, ни объ имени Іисусъ, ни о перстосложеніи, ни о прочихъ своихъ догматахъ; въ собесѣдованіяхъ съ ними только и рѣчи, что о клитвахъ Московскаго собора... Недавно между нашими раскольниками появилась книжица рукописная, состоящая изъ двухъ докладныхъ записокъ, которыя имѣтъ дерзость подать Н. единовѣрческій священникъ Н.Н. въ 1860 и 1864 годахъ. Въ послѣдней запискѣ проводятся тѣже самыя идеи и даже тѣми же самыми выраженіями, какія встрѣчаются у г. Филиппова». «Наши коноводы раскола, пишетъ одинъ московскій священникъ, готовы озолотить защитника нужды единовѣрія и память о немъ «увѣковѣчить въ роды родовъ», какъ выразился мнѣ Морозовскій пастырь А. С. Раскольники московскіе съ участіемъ православныхъ по имени желаютъ перепечатать статьи изъ «Гражданина» особою книжкою въ громадномъ количествѣ для совращенія православныхъ колеблющихся... Не съ особеннымъ ли удовольствіемъ они прочтутъ удостовѣреніе, будто «въ священныхъ ракахъ (Московскаго Успенскаго Собора, или Чудова монастыря, гдѣ впрочемъ одна рака святителя Алексѣя) почиваютъ во святыхъ двуерешивки?» Чѣмъ это докажетъ г. Филипповъ? «Когда въ Петербургскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія поднялся вопросъ, затѣмъ и оживлен-

ный споръ о пуждахъ единовѣрія, измышленныхъ г. Филипповымъ, пишетъ наставникъ одной провинціальной семинаріи, нашего города старообрядцы привлечены были къ тому, чтобы обратить вниманіе на эти споры. Къ этому ихъ побудили Московскіе старообрядцы. Къ сожалѣнію, подъ влияніемъ своихъ руководителей, они ограничивали свое вниманіе только тѣмъ, что изволилъ говорить и писать г. Филипповъ. Такъ, когда напечатаны были безъименныя статьи въ «Гражданинѣ» за 1873 годъ, московскіе благодѣтели послали въ нѣсколько экземпляровъ драгоценныхъ для старообрядцевъ №№ „Гражданина“ прислать въ нашъ городъ съ наставленіемъ поучаться ими. Когда затѣмъ вышелъ извѣстный сборникъ протоколовъ, тѣми же москвичами прислано было нѣсколько экземпляровъ и этого изданія съ повелѣніемъ читать только мудрыя и учено-добросовѣстныя рѣчи г. Филиппова. Въ недавнее время нѣкоторые изъ нашихъ старообрядцевъ ѣздили въ Москву принять благословеніе отъ своего архипастыря Антонія ШUTOва, послушать мудрыхъ рѣчей его и его сподвижниковъ, а также и поразсмотрѣть московскія древности. Въ Москвѣ пресловутый представитель Бѣлокриницкой іерархіи совѣтовалъ путникамъ пользоваться во время бесѣдъ съ Никоніанами тѣмъ, что писалъ г. Филипповъ, и показывалъ имъ №№ «Гражданина» съ рѣчами его, въ богатомъ переплетѣ, какъ нѣкую святыню. А кто этотъ Филипповъ, спросили путники? Это—ученый генералъ, отвѣчать тотъ». А вотъ—простое слово о томъ же предметѣ одного поселянина, казака Островской станции земли Войска Донскаго, бывшего нѣкогда раскольникомъ, а нынѣ — сына св. церкви. «Предметомъ моего слова, пишетъ онъ, будетъ знаменитое въ старообрядческомъ мірѣ чтеніе г. Филиппова «о пуждахъ единовѣрія», и именно — чтеніе 26 февраля и 13 марта 1874 года. Но какъ противъ него уже есть борцы не мнѣ чета, то я беру только тѣ мѣста изъ его чтеній, которыя болѣе беспокоятъ совѣсть истинно вѣрующаго, гдѣ авторъ выходитъ за предѣлы христіанскаго мышленія, гдѣ личное мнѣніе стремится къ уничтоженію всякаго

авторитета и гдѣ приемы проповѣдника лишаютъ его права на снисхожденіе, оказываемое ему защитниками церковной истины, и невольно вызываютъ изъ устъ слово обличенія, слово за безчестіе матери... не теплое, но горячее слово». Послѣ такого предисловія авторъ останавливается на нѣкоторыхъ частныхъ мысляхъ и выраженіяхъ защитника нужды единовѣрія и доказываетъ ихъ несправедливость мѣтко и иногда весьма остроумно, хотя долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что въ своихъ доказательствахъ почтенный поселенищъ немного сообщаетъ новаго сравнительно съ тѣмъ, что было высказано по этому вопросу противниками защитника нужды единовѣрія.

Мы привели всѣ эти отзывы о вліяніи на расколъ чтеній г. Филиппова «о нуждахъ единовѣрія» не для того, чтобы показать, на сколько правъ былъ одинъ изъ противниковъ его, заявившій въ своей рѣчи, что защитникъ нужды единовѣрія въ своемъ чтеніи развивалъ и доказывалъ большею частію такія положенія, которыхъ держатся только раскольники и тѣ изъ единовѣрцевъ, которые, по своимъ отношеніямъ къ церкви, стоятъ ближе къ расколу, чѣмъ къ православію, и что усиліяхъ чтеній г. Филиппова среди заблуждающихся несомнѣнень и великъ, хотя, конечно, неожиданнь для автора ихъ.— въ этомъ, вѣроятно, въ настоящее время никто уже не сомнѣвается,—но для того, чтобы указать православной полемикѣ, на что она должна обратить преимущественное свое вниманіе въ наши дни, и въ тоже время—показать, какъ вѣрно понимаетъ свои задачи «Братское Слово», которое то цѣлыми статьями (кн. I, отд. 2, стр. 3—19; кн. 3, отд. 3, стр. 238—250), то краткими замѣтками (кн. 2, отд. 2, стр. 146; кн. 3, отд. 1, стр. 363) старается разъяснить поднятый г. Филипповымъ вопросъ о клятвахъ собора 1667 года, сдѣлавшійся въ настоящее время главнѣйшимъ предметомъ недоумѣній и пререканій расколыщическихъ.